

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ

*Разговоры
с Михаилом
Гефтером*

1993

ЭЛЕМЕНТЫ
СОВЕТСКОГО
ОПЫТА

Глеб Олегович Павловский
1993: элементы советского опыта.
Разговоры с Михаилом Гефтером

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254803*

*1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером / Глеб Павловский.: Европа;
Москва; 2014
ISBN 978-5-9739-214-8*

Аннотация

Советский историк Михаил Гефтер (1918–1995), лишенный возможности работать по профессии, создал личный стиль сократического историописания. С 1970 года, став непубликуемым, Гефтер перешел в ритм бесед-диалогов с друзьями. Основу их составляли устные расследования событий и анализ исторических развилок с их альтернативными вариантами. Книга включает разговоры Глеба Павловского с Михаилом Гефтером 1993 года, когда историк, бывший членом Президентского совета, вышел оттуда после октябрьских расстрелов. Беседы посвящены злободневным событиям и персонажам, философии истории и политического действия, теме русских революций, советской империи и цивилизации.

Содержание

Вместо предисловия	4
Новый 1993 год	6
001	6
002	7
003	9
004	15
005	18
006	21
007	23
008	27
009	30
010	33
011	36
012	38
Зима	40
013	40
014	43
015	44
016	45
017	46
018	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глеб Павловский

1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером

Вероник Гаррос, ушедшей вслед

Вместо предисловия

Два десятилетия я не трогал этих кассет. За это время некоторые погибли, их содержание не восстановить. Разговоры отделились от поводов, которые я забыл, после похорон Михаила Яковлевича Гефтера в феврале 1995 года надолго уйдя в другую жизнь. (Связанная с *Фондом эффективной политики*, она известна читателю лучше моих остальных.)

Перед читателем книга, представляющая собой около трети *другой, неоконченной еще книги* разговоров с Гефтером. Эту я выпускаю из суеверных соображений. Работая уже полгода, я отобрал часть бесед для предварительной публикации. Получившийся *препринт* – ключ к пониманию текстов *М. Я.*, его стиля и места в истории мысли. Здесь содержится его видение сценографии русской истории и государственности на мировой сцене. Вполне состоявшееся, как я думаю, несмотря на фрагментарность бесед.

Большинство расшифровок пришлось на 1993 год, и магия юбилея подсказала критерий отбора. К новой власти в тот год Гефтер относился все скептичнее. Став членом Президентского совета, к концу года он уже сомневался в легитимности Российской Федерации как таковой. В книге я стараюсь придерживаться хронотопа Москвы 1993 года, что не всегда возможно, так как многие из кассет не датированы.

В центре сомнений Гефтера 1993 года – родовая травматология человечества в его русском изводе. Сначала я думал назвать эту книгу *«Бедный убийца»*. Гефтер снова и снова возвращается к загадочной точке, где рождается человек как преступник, Homo sapiens – чудом выжившее существо и хитроумный убийца. В 1993 году Сталин с Ельциным, поначалу разнесенные, для Гефтера начинают срастаться. При обдумывании этой злободневной пары возникает призрак некоего *Третьего – Наследника (фрагмент 014)*. Гефтер колеблется между родовым чувством опасности и надеждой на парадоксальный, хотя и страшный выход из тупика.

Он приходит к необычным для него, принципиального антифашиста, мыслям о «человекопоказанности убийств» для Homo historicus (*фрагмент 075*). Гефтер видит, что человек склонен создавать социальные системы, в которых не может существовать. Предстоит выбирать. Либо возвращение из истории к вновь признанной и обновленной повседневности. Либо риск гибели, на этот раз окончательной, не обязательно военной.

Сквозная линия ведет от праубийцы к убийце-Ленину через убийцу-Сталина к убийце-Ельцину и неизвестному будущему «суверенному убийце». Но Гефтер не обвиняет никого. Он не свидетель обвинения – он защитник человечества, высшей идеи его времени. Смертельно опасной идеи XX века – апологет вопреки ее катастрофе (*фрагмент 035*).

Еще одна ось книги – тайна советской действительности как единственной состоявшейся русской (*фрагмент 071*). Будет ли другая? В медитациях Гефтера на тему «советского Рима» сомнения ощутимы, но и надежда не утрачивается вполне. Россия – уникальное приключение Homo sapiens на переходе в мировую историю. Но переход закончен, да и сама история завершена. А покинутая идеей человечества Россия остается опасным местом для русской жизни. Не ожидая от убийц октября 1993 года ничего доброго, Гефтер обдумывает

шансы будущего ненасильственного сопротивления. В проект последнего он хотел вписать свой колоссальный опыт изучения Ленина и русских революций, однако проект остался не завершен.

Гефтеровский способ мыслить историю как политику безотказно срабатывал в моей политической практике. Но, разбирая кассеты, я получил немало щелчков по самолюбию, осознав, сколько из моих идей сообщены мне учителем. И оставались втуне, пока случай не выведет их на свет. Так было и с концептом *социальной правой*, буквально разжеванным мне М. Я. в 1993 году (*фрагмент 016*). С середины 90-х он станет одной из моих базовых гипотез, пока из «*доверчивой массы*» Гефтера не сложится платформа *путинского большинства*.

Но сам Гефтер не несет за это ответственности. И я теперь вижу, насколько сам был всего лишь несовершенным приложением к его идеям. Я избегаю входить в их обсуждение, чему место в совсем другой книге. В этой я присутствую только живым поводом к разговору Михаила Яковлевича Гефтера в тот окровавленный 1993-й, предпоследний полный год его жизни.

Разговаривая с Гефтером, мы ничем не ограничивали тематики. Сюжеты разговоров случайны, расходясь и вновь встречаясь, исподволь обновляют повестку. Чтобы помочь читателю проследить за нитью разговора, фрагменты начинаются с абстракта содержащихся тем.

Глеб Павловский

Новый 1993 год Homo sapiens. Бедный убийца

001

Пастернак о Маяковском. Советское – это утраченное. Великая возможность не могла попасть «в нужные руки». Эпоху и человека надо мерить высотой нерешаемых задач.

Михаил Гефтер: Перечитал вчера «Охранную грамоту» Пастернака¹. И знаешь, вдруг удивление: а для чего он написал в 1930 году «Охранную грамоту»? И почему *охранная*? Название не находит прямой опоры в тексте.

Гляди, какие разные люди подвели к революции. Для них она не только акт возмездия или спасительное сведение счета со старым миром. Это вновь открытые неведомые и великие возможности. И для них вызов в том, как распоряжаются возможностями те, кто может великое погубить. Кто даже и не понял, какие возможности революция всем открывает.

Как быть человеку, который твердо знает, как велики возможности, и так же твердо не хочет отдать их на произвол невежд? Вот высота *нерешаемой проблемы*. Эпохи надо сопоставлять по высоте нерешаемых проблем.

Пастернак, как всякий писатель, штукарь. Но о Маяковском у него лучшее, что о Маяковском вообще написано. Комната, кто-то плачет, мертвый лежит в другой комнате. Он говорит: я посмотрел в окно. В Москве были непонятные апрельские заморозки, и в день его гибели вдруг бурный перелом погоды: зима отступила, и пришла весна.

Пастернак говорит: я смотрел в окно, и казалось, что я вижу его как длинную тихую улицу, вроде Поварской. (В этом месте у читателя возникает впечатление некоего пункта безумия...) И там, в конце этой улицы, стоит наше государство, великое и неслыханное. Великое в своей неслыханности. И ждет. Кого? *Его!* Потому что среди всего гражданства, понуждаемого волей или неволей, он единственный был простой гражданин этой гражданственности.

Ну что скажешь, врет нам Пастернак, что ли? Я потрясен этим местом. Подумал: как мне выразить ту жизнь как *простое утраченное*? Великую возможность, попавшую не в те руки, притом что в иные руки она и не могла попасть!

Вот трагедия нерешаемых проблем, и человека меряют высотой *нерешаемого* для него.

002

Ельцин, загнав себя в ловушку Гайдара, стал опасным человеком. Шахрай на смену Бурбулиса. Ельцин нефункционален. Ему нужны экстремальные ситуации, Гайдар это угадал.

Михаил Гефтер¹: Ельцин загнал себя в ловушку аргументации. Раз вы превратили Гайдара в программу, теперь что? Отстаиваете программу, так отстаивайте до конца и Гайдара – либо меняйте программу.

Глеб Павловский: Это все их проклятая кремлевская слабость. Основное ядро, как Ельцин говорит, – «реформистское», его поменять нельзя. Что такое «основное ядро» в кабинете министров? И почему без Гайдара оно крепко, как при Гайдаре? Тогда, может, и сам Гайдар был не нужен? Может быть, и реформисты в стране найдутся, кроме этих?

Он своими штучками ловушку себе заготавливает. Настоящая ловушка. Притом что у человека ничего на чердаке не осталось – весь ушел на то, чтобы побороть Горбачева. Для борьбы с Горбачевым отменить Союз, растоптать КПСС – теперь это стало его собственным «я», мнимо выношенным жизнью.

А знаешь, незаметно Ельцин становится очень опасным человеком. Я это ощущаю.

И я так ощущаю.

Да? Но ты и раньше так чувствовал. Я-то думал, у Ельцина есть за душой нечто большее. А ведь лично для него опасны такие вещи. Допустим, освободился от Бурбулиса², который его выплески превращал в слова и решения. А теперь неизвестно, кого еще он найдет эти импульсы оформлять.

Президент несвободен от нужды в отгадчике его тайных помыслов. Теперь можно взять себе «в Бурбулисы» Шахрая². Ельцин ищет кандидата на место без четкой функции.

Но в нынешней фазе сам Ельцин *опасно нефункционален*. Пора бы стать функциональней. Романтика самоутверждения и мессианизма ушла, а функциональным он быть не умеет.

Ты помнишь, как он сказал в Пекине⁴, что в Россию «должен вернуться хозяин»?

Да, поразительная фраза! Я подумал: спятил он, что ли? И ведь какое хамье, ушел твой премьер-министр, а ты не поблагодарил его за работу. Хорош Президент России.

Его непрямота глубинна. Сочетание воли двигаться прямыми рывками при непрямоте тайной цели.

Сейчас Шахрай ближе к Президенту. А начинал с научного сотрудника вне штата.

¹ Здесь и далее реплики каждого из участников диалога оформлены соответствующими шрифтами. *Прим. ред.*

Интрига, к которой он шел года два. Я помню, как в начале 1991-го Шахрай поругивал Ельцина, но весной 1991-го он первый сбавил критику, тихо отстраняясь от бесперспективной «ДемРоссии»⁵. Он поставил задачу стать доверенным лицом *самого*. И он ее, в общем, решил.

В некоторых отношениях он полезней Ельцину, чем Бурбулис, он прагматик.

Философия Шахрая – не прагматизм, а сервис. Обслужить Президента – его идея. У него адвокатская философия – вот клиент, и интересы клиента надо защищать. А Бурбулис для политического сервиса слишком идеен.

Было время, когда власть Бурбулиса была почти безграничной. Я с ним тогда не раз говорил на весьма острые темы. Но он неправильно оценивал ситуацию Ельцина. Понимая, он не хотел ее принимать. Все его просчеты связаны с жадой самого Ельцина, которому нужны экстремальные ситуации и технологии их создания.

Думаю, и в Гайдаре⁶ Ельцина привлек утопически-технологичный синтез.

Утопическое и разрушительное острие своего замысла люди Гайдара ему приоткрыли, я это знал от Бурбулиса. Мол, мало ли что там и когда еще с вами будет, Борис Николаевич, зато пока мы разрушим до основания! А там, глядишь, и нечто великое вытанцуетя из всего под вашим именем.

003

Советские задавали миру тон. Государства Россия нет. Империя Ялты. Советские умники знали себе цену. Антифашизм проблемно близок фашизму. Мир как управляемая реальность «нежизнепоказан» # История, порог недостаточного. Русский террор недостаточного. Мир второго пришествия экспериментален. Сопровождающееся постоянство экспериментам. Возможен ли другой Мир, что для этого надо? Бог не умер – человечество умерло. Фашизм – это мы. Трагедия как источник энергии цивилизаций. Теряя опыт трагедии, Россия теряет умение работать со смертью.

Михаил Гефтер: У меня нет мании величия, но готов сказать вслух человеку, даже если тот Президент России: будем откровенны, это мы, советские, задавали миру тон. Советская система обладала огромной силой и мощью. Отнимая и возвращая жизнь в такой форме, когда она сама стала содержанием жизни поколений людей... Эти же так не говорят в Кремле, а напишешь в газетку, они не заметят.

Глеб Павловский: У меня ощущение, что многое будет завязано на проблему государства. Не идеалистически, а чем реально может быть государство у нас в стране? Притом что неизвестно, есть ли будущее и есть ли сама страна.

Глеб, согласишься, и тут проблема слов. Ведь *государства Россия нет*. Дело не в том, что оно было тоталитарным, а сейчас оно полугосударство, – это вообще не государство. Его нет, поскольку нет границ, для власти очерченных, куда ей идти нельзя.

В отличие от Союза, которому Ялтинская система задавала внутренние рамки. Но Россия еще и правопреемник СССР. Так кто этот глобальный правопреемник и где его прячут?

С этой точки зрения – что за сила у доминанты Холодной войны! Так гениально скроить процесс, гениально выкроить переустройство Мира. А еще селекция крупных личностей, которые образовали мировую диаспору. Это же надо, такая гигантская страница истории возникла путем селекции личностей! С силой их неустрашимости, ведущей отсчет от самой себя.

И при этом сознавали, что ничего долговечного в мире нет и Брежнев не вечен. Но жили с чувством самоуплотняющейся вечности.

Думаю, здесь психологический нюанс. Когда знаешь, что всё, включая тебя самого и остальных, завтра можете испариться, реакцией на это становится неприкасаемость всего, каким оно сложилось.

На короткий момент воцарился призрак всемирной *Империи Ялты*. Эта империя имела две столицы – Вашингтон и Москву. Она была дуалистической и из-за этого только смогла состояться. Империя Ялты – это мир, где государство знало свой ранг. В первом мире, во втором мире или в третьем. Иерархия, но можно пробиться вверх, в борьбе первого и второго миров за третий.

А с какой легкостью произошла самоликвидация колониальной системы? Эта легкость – вообще незамеченное чудо эпохи. Мы не можем его объяснить.

Да, как бы мельком десятками государств в год! Гениальная интуиция самосохранения в свете самоуничтожения.

С последней точки зрения интересен Сахаров⁷ как центральная фигура времени. С убеждением, от которого он никогда не отказывался, что он хранитель Бомбы и ее секретов. Он не отрекся от убеждения, что прав, создав Бомбу для Сталина.

Мы выпустили строчку из его статьи в «Веке», где он сказал, что, прочитав на улице, на газетном стенде новость об испытании бомбы американцами, упал и на миг потерял сознание.

Любопытно, как сильно сдвинули его с места такие хамы, как маршал Неделин⁸. Это в его биографии заняло важное место. Когда тот стал возражать ему, Сахаров лишь укрепился в самооценке. Советские умники знали себе цену! Внешне Сахаров совершенно этого не показывал, да ему и незачем было. Для умника диктатура хамов была ударом в лицо. И следующим шагом он вышел с идеей, что пора повышать потолок гарантированного уничтожения. Вот почерк Холодной войны как эры просвещения.

...За время моей жизни коренным образом переменялся взгляд на то, как устроен Мир. Я вижу большие перемены, но меня они уже не переменяют.

Мы с тобой утром рассуждали о фашизме. С одной стороны, крайняя сжатость во времени нацистской классики, предельная ограниченность рейхом, притом что явление не одной страной представленное. С другой стороны, это не мешает фашизму быть всемирно значимым событием, что-то настолько передвинувшим в человеке, что после этого ему некуда вернуться. Когда из самого фашизма вышло нечто его отрицающее, оно само по себе раздвинуло его пределы.

Из него, из фашизма?

В какой-то мере. *Антифашизм проблемно близок фашизму*. Не говоря о фактической стороне – *антифашистская ядерная бомба и антифашистская Холодная война*. Это требует осмысления.

Интересна преемственность после войны. Послевоенный мир, как и мир Холокоста, заперт в сгущенном времени. Он породил внутри себя искусственное время. «5 минут до 12» атомных физиков, и так ведь 40 лет подряд. Искусственная бесконечность мучительна. Впервые это передал Оруэлл в «1984»-м, который не сводится к разоблачению советского тоталитаризма.

Конечно. «Сапог, навеки наступивший на лицо человека»⁹.

Изображен схлопнутый мир. Победа 1945-го создала *Мир как управляемую реальность*. Соответственно, и кем-то манипулируемую. Эта штука продержалась до настоящего времени.

Еще большой вопрос, ушла ли она. Существование мира поддерживалось гарантированным взаимным уничтожением, а остальные воленс-ноленс приплюсовывались. Если изымается взаимное уничтожение – чем управлять теперь? Место гибели как мотива

вакантно. Мир Холодной войны опрокинулся в повседневность, но в качестве повседневного реального он нежизнепоказан.

Идет ментальная катастрофа, и я перестаю узнавать ландшафт. Глаз ищет знакомые формы, а не найдя их, сходит с ума. Он не понимает, что видит. Все, что нам нужно для спасения, есть у нас прямо перед глазами, но мы его не видим.

Знаешь, это ситуация номер два с той, что вам пудрила мозги все 60-е – с так называемым *отчуждением*. Целое десятилетие все вверх дном переворачивали в поисках смысла термина, и ты меня истерзал им. Как вдруг всё, ушло! Сейчас этого слова даже не произносят. Сегодня мы идем к эрзацу гарантированного взаимного уничтожения или к открытости.

Но где взять эрзац? Раз мы выпали из континуума Холодной войны, ее эрзацы теряют силу. Сегодня технически можно уничтожить мир, но это не имеет мироустроительного стимула. На этом ничего не построить...

Основополагающее значение имело то, что сторон было *две*. Когда осталась *одна*, она не сторона, а хозяин. То, о чем ты сказал, сославшись на Оруэлла. У Оруэлла мировая империя фактически одна, но сама себя раздваивала. СССР и США на самом деле не были только противостоящими, хотя именно так костюмировалось. Остальные игроки, «третьемирные» эти, как кролики, перед удавом сидели.

Действовал гипноз двух всемогущих хозяев смерти на земле. Империя Ялты!

Да, и всегда был стимул и соблазн примкнуть, уйдя под чей-то зонтик. Всякий, кто получал помощь СССР или США, укреплял сцену противостояния. Достаточно было Карибского кризиса, чтобы это выяснить. Но ты правильно сказал, что мир Холодной войны безобразно захлопнут. Сегодня беда в том, что мир становится безобразно открытым.

Безобразно?

Безобразно открытым, да. Может, дело в том, что люди впредь поведут *бесцелевое* существование? Что антиэволюционизм истории отныне истрачивается? Все-таки цель – это понятие антиэволюционное.

Понимаешь, тут проблема, относящаяся не к голоду и избытку, а к *достаточности*. Ритмично-календарная цивилизация обладала низкой достаточностью, которой легче достичь. Но потолок достаточности можно поднять очень высоко, как в Европе, и та не перестанет от этого быть достаточностью.

Исторический мир работает на стимулировании чувства недостатка. Сейчас уже не по линии богатые-бедные, хотя и тут хватит, чтобы в тартарары полететь. По линии недостаточностодостаточно. А мы в России недостаточны по духовному определению. И в практическом смысле не умеем быть элементарно достаточными. Не потому, что все плохо, а бациллы недостаточности в нас крепко засели.

Надо обсудить такое русское горе, как *террор недостаточности*. С нашими играми в самообвинение, после переходящими в обвинительные заключения.

Но возможен симбиоз миров. В силах Мир недостатка создать для других Мир достаточного, оставаясь недостаточным для себя? Практически исключено. Надо начать с себя, со своей достаточности. Консерватизм на Западе высоко поднял потолок достаточности. После Второй мировой войны на этом он выигрывал, между прочим, сформировав средний класс

и социальное государство. Возьми тэтчеровское – каждый живет в своем доме, пусть даже старые промышленные районы приходят в упадок. Тут экзистенциальные вещи есть.

...Жизнь человеческая движется циклами. Есть постоянство, противящееся переменам и экспериментам, учиняемым жизнью. Пока эта идея *сопротивляющегося постоянства экспериментам* принималась за отсчетную точку Европы, можно было считать, что хоть это достигнуто. Но что если это еще не достигнуто? Что если это постоянство, в чем-то хрупкое и где-то ненастоящее, выйдя из экспериментов и будучи экспериментальным само, абсолютно *чуждо жизни*?

Если эту точку зрения распространить, Мир – это *постоянство разных жизней*. Нет Жизни, а есть *жизни*, их постоянство. Тогда проблема сопротивления эксперименту выступит в новой плоскости, выводящей за способ видеть, продиктованный старой критической мыслью. А мысль, которую мы знаем, мысль европейская. Русская мысль тоже европейски-российская.

Но там, где счет на тысячелетия, все иное. Все это перестает работать. Есть другая вселенская связь. Прежняя тяготела к решению проблем, которые, будучи жизненно новыми и как бы экспериментальными, заканчивались *идеей второго пришествия* – новой твари, мировой революции, иного мирового порядка. А эта будет строиться на каком-то *согласии не входить развитием друг в друга*. Содействовать тому, чтобы каждый развивался в своей колее, не совпадая с другим.

Теоретически я это вижу. Но перевести это на язык общепринятых представлений русская мысль не готова. А с другой стороны, и для меня с этой точки зрения мучительно неясен вопрос о моем отношении к России.

...У меня ночью родилась одна фраза. Не дерзая уподобиться Ницше, произнесшему «Бог умер», рискну сказать: нет человечества. Бог не умер, а *человечество умерло*.

Да, и воняет здорово.

Это же не лозунг, смерть конкретна, перед нами *труп человечества*. Он взывает к этносу, начинает говорить языком «своих» и т. д., и т. п. Страшно заострение этой мутации на месте половинчатого обрыва Холодной войны. Обрыв создал новую угрозу жизни людей.

Генрих Бёлль¹⁰ рассказывал, как дезертировал из вермахта. Как искал спасения и какие случайности спасли ему жизнь. Его тут спрашивали: «Вы, конечно, искали свободы у американцев?» – «Да нет же, – говорит Бёлль, – я искал, как мне освободиться от немцев». Понимаешь? Немцу освободиться от немцев!

Я хочу подвести к мысли, что фашизм в качестве вызова, который питался недостатком и запозданием антифашистского ответа, раздвинулся и сегодня стал всемирным. Это не одни бывшие колонизаторы, это и парии колониального мира. На этой глобальной фашистской базе мы все сплотились и объединились. И в некотором смысле поэтому *фашизм – это мы*. Нам надо как-то освободиться от нас!

Смотри, как бы это не стало риторическим ходом.

Вот мучающий меня непроясненностью Персидский залив, война. А что прикажете делать? Либо подпиши «Мюнхен»¹¹ с Саддамом, либо, что? Отлучить его от должности? Выписать ордер на арест? Чего бы легче. но нет, нельзя – *суверенность*! А Нюрнберг? А Всеобщая декларация? Увы, делать нечего – и идем убивать иракцев. Но что дальше-то будет? Ордера на убийство выписывать государственных лидеров? Что делать, чтобы средством табу на «Мюнхен» не стало убийство людей? Которые, если и виновны, избрав негодяя, то,

как все мы, виновны во всех грехах, от Адама и Евы. Давайте разберемся в непонимании и сделаем его взаимным! Хотя бы так.

Человечество не умерло, его убили. Скоро мы увидим труп человечества в виде ожившего зомби. Интернационализм в форме глобального диссидентства с воюющим против него Западом. Потому что безнаказанно давить человека нельзя, где-то аукнется.

Смотрел в США программу новостей. Жесткая пропагандная линия, от какой мы отвыкли еще в СССР, – антисербская линия. Если жертвы и трупы – только боснийские, если убийцы – только сербские, никаких других. Или Сомали. Сусально-симпатичные американские парни и мерзкие сомалийцы с перекошенными лицами. Оператор может из любого человека сделать любого. Из Ельцина при желании можно сделать злого негра.

Тот же Ирак. Меня унижает привилегированное распоряжение нациями со стороны других наций. Новый диктат не просто американский, диктат именем порядка вещей. И что-то есть в этом неприемлемое, подстрекающее швырнуть в рожу Западу входной билет. Что-то отвратительное проступило в мировом рисунке.

Абсолютно верно. Абсолютно правильно. И не важно, что на какой-то короткий отрезок времени лучшего решения нет, чем военное. Даже это не важно.

Настало время заново перевернуть мировой столик. Совершенно невозможно выяснить, насколько новый фашизм маргинален как таковой. Он часть спектра, складывающегося на той стороне. Складывается мир несогласных с этим мировым порядком, который может соединить и Саддама, и левых, черта и дьявола. В конце концов, в чем торжество демократии, когда разжиревшие шейхи с американцами управляют всем регионом?

И даже если от их нефтяных богатств немалая часть достается населению.

Стал возможным глобальный бунт... Мы тут привыкли к стереотипу пугачевщины. Но возникла возможность технологически современного бунта. И диссидентство в глобальном масштабе уже не будет выглядеть как герилья 60-х.

Это рассуждение абсолютно верно. Это то, к чему я клоню – к *экзистенциальному отчаянию*. Ставя в ряд Гитлера и Сталина, я могу ряд продолжить, найдя в нем место и Рузвельту, и Черчиллю. Но есть другой ряд, он еще не окончен, где имена Ганди, Мартина Лютера Кинга, Андрея Сахарова – людей дела и политической мысли. Не проповедников, а практиков влияния. Этот ряд оборвался. Ряд оборвался там, где идея соприкоснулась с политикой, оказавшейся бесчувственной к этому ряду.

В каком-то смысле мир для нас стал белым листом, как для Мао.

Да.

Это интересно, но одновременно очень опасно. Это же провоцирует некий тип людей. Тут-то и пустим Ивана-царевича, как говорит наш с тобой знакомец Петруша¹².

Да-да-да. Замечательно. Только будет ли имя у царевича *Иван*?

...Цивилизация отчего, собственно, обрела энергию? Грубую, материализованную, вещную, как угодно, колониальную, зверскую – называй как хочешь – *энергию распространения*? Потому что в истоке имела трагедию. Трагедия как феномен, без которого цивили-

зация не живет, дала переживание смерти в жизни. То, что было в ранних архетипах еще, тут нашло себя в актуальной форме, работает. Цивилизация научилась работать со смертью, пока в ней Гитлеры со Сталиными не завелись.

Теперь работа со смертью уже не идет. В современных убийствах смерть сама себе цель. Это уже не работа со смертью, отсюда катарсис неизвлекаем. Хотя усилия есть, фильмы про Холокост и т. д. В Кракове понравилось, когда я им сказал, что в 1945-м мы не только жизнь отстояли, но и *смерть отстояли*. Но вопрос, умеет ли все еще наша цивилизация работать со смертью, неясен – старая она стала, праздная, много лишних вещей. Эллинский мир тоже в праздности смерть посетила, хотя Сократ и Платон уводили от губительной праздности.

Россия на границе европейской цивилизации – и это важный момент для меня, – еще разворачиваясь, вбирала и включала трагическое. Пока трагедию здесь удерживали, она достигла гигантской интенсивности. А сейчас мы все растрчиваем, втапывая трагедию и самих себя в землю. *Россия теряет искусство работы со смертью!*

004

Кто мы в качестве русских? Пространство пересоздало русскую власть. Мироводержавные холопы. Русская власть не консервативна. Она могущественна, только мешая кому-то жить. Русский вопрос – вопрос об очеловеченной власти.

Михаил Гефтер: Уходит Украина навсегда или только стала независимой – вопрос умной политики. Политика была идиотская, и результат получился идиотский. Но и Россия не может вечно себя демонтировать! Уничтожаем виды оружия непонятно зачем. Когда разбирают ракеты, а сами наливаются злобой, такой демонтаж вредит себе и опасен для окружающих. Только я не о политике хочу говорить. Умней она или хуже, все равно выскочит вопрос: *а кто мы такие?*

Глеб Павловский: Он возникал в период гласности.

Он недосформулирован на социальном языке, он недовыговорен на космополитическом языке. Он требует того, чтобы *признать за русским вопросом право стать вопросом о государстве.*

Почему «русский» вопрос? Раз мы пока сверхдержава, нужен не вопрос, а ответ. Русский – это уже вариант ответа. Мы снова пропустили фазу вопроса.

Нет, я чувствую, что вопрос «кто мы» не дотянется до себя как вопроса, пытаюсь обойти заковыку – *русское*. И у Чаадаева в Первом письме¹³ эта мысль. Я раньше не замечал, как она выражена: России не было, если б не монголы. В результате нашествия монголов возникло нечто. Власть подменила собой содержание жизни и *сама стала содержанием человеческой жизни.*

Еще до монголов, если присмотримся к русским обществам, их человеческой и правовой основе, увидим зияние между Европой и Русью. Белинский зря катался по полу, оплакивая мнимое «европейство Киевской Руси».

Наверное. Все-таки и до монголов было глубиннейшее многослойное взаимодействие со Степью.

Мы земля, где никогда не было *Pax Romana* и римских дорог.

Не было Рима, но много зовущего пространства, всегда кем-то занятого. Сегодня оно обжитое, завтра набегут другие, а послезавтра оно вообще запустеет, как запустело Дикое Поле. Европа с XVI века внутри себя только обустраивается и двинется не в ближнее, а сразу в дальнее зарубежье. Русские двинулись на Восток, и всякое зарубежье им стало ближним. Узел завязался навсегда.

Не забывай про крестовые походы, Запад остановили в Палестине. А на Востоке их остановили татары и монголизированные русские.

Если бы монголы сами себя не остановили, они бы спокойно дошли до Атлантики. Кто бы их остановил? Арабов остановили, а монголов некому было. То, что Чингиз вдруг умер, – это как Сталин умер или Николай I: смерть одного разворачивает судьбу Мира по-другому.

В русской политике до борьбы с монголами идеальное начало неощутимо. Русских фигур класса Людовика Святого и Ричарда Львиное Сердце раньше Донского нет, а в Европе они эталонный тип. Конечно, и Александр Невский рыцарь, но рыцарь-политик без капли идеализма.

Андрей Боголюбский, тот вообще.

Ну, эти владими́ро-суздальские... Жуткие парни, сейчас бы сказали – криминал, братва вроде «солнцевских».

Мне кажется, ты схематизируешь.

До какого-то времени русские различия с Европой укладываются в понятие первичной *аритмии* как естественного состояния человечества. Когда я говорю «аритмия», это разве пустячок? Несовпадающие цивилизационные ритмы, климат, территории, величина пространства. Наконец, православие – не то же, что христианство Востока, и, конечно, совсем не западное христианство. Далее нарастает секуляризация христианства, Возрождение и движение в мир за Океаном. Все необратимо пошло по-другому, чем здесь. Я хотел бы очистить твой взгляд от ретроспекции. *Поскольку мы знаем, как дальше пошло, ложно кажется, будто мы знаем прошлое.*

Разнотипие заложено в христианстве с самого начала, с *истории как детерминации будущим*. А в России это пошло с царей Иванов, Третий Рим для Ивана Грозного тоже своеобразная детерминация будущим. Гигантское пространство России меняет структуру власти, *не знающей, в каком ей виде перед Богом предстать*. И в ней происходит странное перерождение на колоссальном пространстве. Веселовский и Ключевский еще обратили внимание – а что, собственно, власть Москвы могла взять за эталон? Поиск постепенно сужается до государева двора, но там все холопы – и холопство распространили на всех. *Все холопы!* Третий Рим потом, а сперва все вы холопы!

И пошла писать губерния. Стыдно сказать, но русских записали в холопы первыми, в *миродержавные холопы*. И всякий раз, когда резко меняется структура власти, их втянутость во власть вылезает наружу. Вылезает вопросом – кто мы тут в качестве русских? Это и мой давнишний вопрос. Он и при Петре вставал. Он и сейчас встает в связи с демонтажом сверхдержавы. Потому что *русский вопрос – это вопрос о власти*. Спрашивая о национальности, имеют в виду не национальность, а власть.

Втянутые во власть, а теперь ею брошенные люди спасаются болтовней о чистоте крови. Но кто эти миллионы людей, высвобожденные из многоярусной втянутости во власть, *кто они?* Я не говорю о 25 миллионах, оставленных вне пределов России, следовательно, лишенных власти вообще.

Выражением «вне пределов России» ты даешь подсказку двинуться *за пределы?*

Объединяя русских в совокупную цифру 25 миллионов, мы постулируем проблему этой вот российской власти и ей подсказываем предмет. Но та же своих русских в упор не видит.

Вопрос «кто мы такие» подразумевает ответ либо вилку ответов. Если это не философская рефлексия, то выбор политических альтернатив. Ты же совмещаешь вопрос, стоящий перед индивидуумом, с вопросом национального самоопределения – кто мы такие? А кто очертил это «мы»? Идет борьба определений, где одни «мы» несовместимы с другими «мы».

Давай считаться с тем, как очертила история. Когда националисты, в каждом отдельном случае глубоко мне несимпатичные, дудят в дудку «национального вопроса», они на самом деле выходят на русский вопрос. *Вопрос о человекоподобии власти.*

Это ясно. Но у тебя заложена предпосылка, мешающая сделать русский вопрос политическим. Ты вводишь фактор пространства, и, как равный себе, он все начинает равнять.

Нет, происходит что-то существенно разное. Формируется – вот прекрасное выражение – *европейское человечество*: внутренне обустроенная и материально опережающая аритмия Европы. Одновременно возникла русская паранойя *отсталости* со всем, что бывает у параноиков. Россия – это отсталость, вслепую рвущаяся к могуществу. С заявкой на то же, что у Европы, ведь одна из наших личин – европейское человечество. Но другая совсем иная! Она видит себя *исключительной властью над людьми*.

В России парадоксально не консервативная власть, она глубоко новаторская. Она радикальна и, вечно что-то выдумывая, насаждает, внедряет. Мечты о смерти Европы – пустой треп наемных писак: при реакционере Александре III Россия делает рывок в мир. Но эти же ее свойства не дают формироваться обществу. Никакое общество не может сформироваться в таких гигантских размерах. Исключающих шансы людей европеизировать свои собственные отношения...

Почему Россия рвется только в европейскую сторону? Ведь могла бы достичь того же в другом направлении.

А вот не может! Не может потому, что требует начальных условий, которых там нет. Еще и иная природа власти. Наша власть *могущественна, только когда мешает*. И в отношениях с человеком она умеет только помешать, эта власть. Она и Европе не дает стать могущественной. После – новая революция, и все заново. Но это долгий разговор.

005

Отношение к Беловежским соглашениям. Личный вклад в упразднение СССР, некий разговор с Бурбулисом. Как под захват недвижимости упраздняли КПСС. Уникальность России – диктат евразийской сцепки требует территориального раздвижения. Немасштабность Горбачева. Ельцин как старомосковская фигура, Горбачев как Каренин. ГКЧП, слабость организации переворота. Подлость в крови новой власти.

Глеб Павловский: Твое отношение к Беловежским соглашениям¹⁴ какое, оно изменилось?

Михаил Гефтер: Оно осложнилось. Реальность русской революции такова, что ее титаны должны погибнуть, поскольку они титаны. И Россию как планетарное тело было не сохранить в виде синтеза мировой революции со сталинским миродержавием. Но теперь, когда судьба страны-горемыки приняла осязаемо страдательный характер, кроваво-грязный и какой-то бессмысленный, я, хотя держусь своей точки зрения, однако и угрызаюсь тем, что ее держусь.

Есть одна личная подробность. С точки зрения честолубия она могла стать приятной, но теперь наоборот. Как-то Явлинский¹⁵, когда мы с ним только познакомились, рассказывая про отношения с Бурбулисом, передал мне их разговор конца августа 1991 года. Явлинский, тогда сторонник новоогаревской политики Горбачева, и говорит Бурбулису: «Что вы делаете, вы же погубите СССР!» На что Бурбулис ему отвечает: «Да, и это Гефтер нам предлагает давным-давно. Михаил Яковлевич считает, – говорит он Явлинскому, – что лучше всего покончить с Союзом через расторжение Договора 1922 года».

Действительно, когда-то я с Бурбулисом долго говорил на тогда любимую тему Союзного договора¹⁶ с заменой его на множественную суверенизацию. И надо же, в действие приходят такие силы. Значимо ли, что я нечто подсказал Бурбулису, а Бурбулис, разумеется, пересказал Ельцину? Не с точки зрения честолубия, увы, с прямо противоположной точки. Любопытно.

Упразднение КПСС было триумфом Бурбулиса! Есть бумажка, записка Бурбулиса с резолюцией Горбачева «согласен». О том, чтобы передать России все имущество КПСС. И тут же ловкачи эти захватили всю Старую площадь. Под захват кабинетов на Старой площади они упраздняли КПСС! После чего под отставку Горбачева упраздняли Советский Союз. Хитрость истории в том, чтобы, выбрав нелепые обстоятельства и банальных людей, вершить нечто свое, роковое.

Да, поразительно. Но у тебя тогда было оптимистичное настроение.

Должен сказать, Горбачев мне чудовищно надоел. Это связано с тем, как мы зря на него рассчитывали. Казалось, самое время с ним покончить. После Вильнюса хуже и вообразить нельзя то, как все делалось, – непонятно кем, непонятно как. Я знал много людей, которые видят себя такими, как им хочется выглядеть. Но Горбачев среди них чемпион!

У Горбачева талант искренней лжи. Это его эволюционное свойство. Благодаря ему он выжил в Политбюро и всех надул. А когда всех надул, он укрепился в манере и впредь ничего не додумывать. Если бы он что-либо додумал, то, скорее всего, был бы разгадан и съеден. Его жизнь в полулжи конгениальна его умению действовать.

Возьми его воспоминания об одном и том же в разное время. И увидишь, как в его сознание извне, с наружного слоя просачиваются непривычные понятия, хотя в принципе он готов брать любые. Так он принял, наконец, что СССР – это «тоталитаризм», и выдал подредактированную под это версию своего прошлого.

Конечно, попав в идиотскую ситуацию, чего-то ждешь от лидера. Но вообще говоря, нелепо было мечтать не о том Горбачеве.

Он надломился под неспособностью общества принимать свалившиеся перемены. Потому что, откуда они, никто не знал, в том числе Горбачев.

Центральным пунктом эпохи был распад Союза. Но чтобы представить себе механику и весь ход событий, нужно менять масштаб. Масштаб Горбачева несомасштабен его эпохе. Человек, который хотел быть незаменимым и так в этом преуспел, что, отделяваясь от него, ликвидировали мировую державу! Опираясь на ненависть к нему, объединившую даже его сторонников!

Нет, Глеб, понимаешь. если искать развязку великого внутри гротескной карикатуры, выглядит именно так. Действительно, из-за не умеющего уйти Горбачева пришлось распустить Союз.

А если взять большой масштаб? Если видишь уникальность СССР в евразийском существовании? Если прощупываешь роковой закон этого совместного существования как *диктат сценки*, поддерживаемой путем территориального раздвижения? Расширения, чтобы сохраниться? Если видишь, что, когда имперский напор иссяк, на его место пришла мировая революция, и спрашиваешь себя: чем и как такое могло удержаться? Вообще говоря, века ставили эту проблему. И лишь однажды вдруг все соединилось в Россию. Чем *такая* Россия могла удержаться? И на каком основании ты полагаешь, что советская Россия – природная данность?

Не тот язык, не те допущения. Суть в том, чтобы сопоставить масштабы. Именно сопоставить их, а не, отклонив один, заменить другим.

Я не говорю, хорошо это или плохо. Все это варианты несносного для людей безумия. Они только рады были, когда из темного леса перестройки вышла фигура Бориса Ельцина – стародавняя, старомосковской Руси.

Да, ты верно сказал – не свердловская, а старомосковская.

Ельцин нес привлекательный импульс упрощения. Когда все стало невыносимо, происходящее хотелось прекратить чем угодно. Из этого «чем угодно» и выскочил секретарь Свердловского обкома! С его ордынскими хитростями: я простой русский мужик, иду из баньки, теорий не ведаю, пьяненький.

Да, ты прав, фигура старомосковская. Тогда как Горбачев в некотором смысле продолжатель петербургских типажей. По Федотову вполне, по схеме Георгия Федотова¹⁷.

Вот здесь ты попал! Просто в России давно забыли питерские типы, а от них до 1917-го все волком были. Все эти Каренины, «значительные лица».

Конечно, Каренин. Николая Павловича можно вспомнить. Абсолютное всемогущество, вседоступность, а лишь споткнется о Севастополь, и кончает с собой. Ушел, Россия

начинает контрдвижение, и оказывается, что страна способна меняться. Даже шеф жандармов может меняться! Кстати, когда сопоставляют Горбачева с Александром II – тут какая-то натяжка.

Они не вяжутся. Царь был сильный индивидуум, с угрюмой, искалеченной отцом внутренней жизнью. Не наружная, абсолютно не публичная фигура.

Да, непохожи. С одной стороны, Александр понимает, что все пора менять. С другой стороны, страна все-таки еще в тени гигантского могущества отца. За реформой различим еще импульс могущества. Меняя страну, абсолютная власть не теряет в Александре II своего пафоса, она его даже возобновляет. А Горбачев мельчит и петляет, дискредитируя силу там, где она еще остается. Горбачев, в общем, человек по натуре кажущийся. Например, в 1990-м он совершенно спокойно мог рискнуть избираться всем населением в президенты, и безусловно прошел бы. Кто его мог обойти? Все его трусость. Его манера откладывать решение, а потом. И весь идиотский заговор строился в расчете на него.

Вчера на ТВ был кусочек из Янаева¹⁸, которого я держал за полного дурака. И знаешь, четкая речь. Интонация достойная, без взвизгов. Говорит, главная его ошибка в том, что поверил в игру Горбачева. А тот давал им задания по разработке четырех вариантов чрезвычайного положения – президентского правления по всей стране, президентского правления в отдельных районах. Я, мол, догадался, куда он ведет, и шел за ним, понимая, как ему выгоден такой вариант. Говорят, у нас был заговор дилетантов – нет, это был заговор квалифицированных людей, сыгравших по чужому сценарию, сценарию Горбачева. Вот где была ошибка.

Звучит кощунственно, но в ГКЧП есть черты пародии на 14 декабря 1825 года.

006

Читая Ницше. Нет случая, где бы мысль не сработала на зло. Абсурден ли вопрос «кому выгодно»? Замысел, реализация, интересы. Гайдар проигнорировал инерцию горбачевского остатка. Провал Гайдара пересоздал горбачевскую «коалицию выгод». Гайдар разыграл сталинский дебют «Губителя-Вызволителя»; бенефициары его политики, «спасая» от Гайдара, продолжают его игру.

Глеб Павловский: Читаешь Ницше, чтобы не слышать новостей?

Михаил Гефтер: Да. Не могу сказать, что поклонник, но склад речи Ницше близок к тому, что я понимаю под философией, – труд над вещами, где человек становится *непроясненно близок себе*. И в этой непроясненной форме себе понятней. Есть то, что не напрямую близко к Чаадаеву, – оба ветхозаветны в новых условиях. Ярость и даже ненависть Ницше к немецкому потрясающая!

Никакой серьезной связи не видишь у Ницше с нацизмом?

Когда движение людей ведет отбор мыслей, оно создает и репутацию идей. Историческую интонировку, не более того. В истории мысли я не знаю ни одного существенного случая, где бы мысль не сработала на зло и была ко злу непричастна.

Выйди за пределы дневного трезвона, взглядишь в силы, управляющие мирами, подыскивая себе основания. И для тебя это полезней, чем клясть Гайдара!

Но разве нельзя спросить, кому это выгодно? Кому непосредственно выгодна их реформа? Я не пойму, почему считают неприличным спросить, кому именно выгодны реформы, проводимые в таком виде?

Нет-нет, здесь ты прав. Не только прилично, а самое время спросить. Но проводи различие. Скажем, есть те, кому это выгодно. Наличествуют интересы, заявляющие себя скорее окольно, чем прямо. Они уже в прологе были, эти интересы, и подыскивали себе героев. Но есть совершенно другое – процесс, задуманный из моральных, доктринарских либо инерционных соображений. Он, в свою очередь, и подтягивает интересы.

Нечто задумывают, обычно исходя из отвлеченных соображений. Доктринально или по инерции, идеологично – не важно. Ничто изначально не маскировка корыстного интереса! Но по ходу действия, наталкиваясь на трудности и на тех, кого замысел не учел, выявляя свои слабости, политика приобретает вид, все более отвечающий интересам.

Гляди, Гайдар начал так, будто до него горбачевской политики не было. Будто до 1992-го пробел разумения и можно действовать с чистого листа. А ведь даже то, что Горбачев начал и не доделал, его полумеры и сами его колебания материализованы! Горбачевская политика, распадаясь, вместе с тем что-то осваивала, что-то в себя вобрала, и социум к ней приспособился. Гайдар начал так, будто только придумай, и дело пойдет на лад – все в стране станут агентами его проекта реформ. Да с чего бы это?! Он что, Сталин?

Демократы чертят не в безвоздушном пространстве. Они обрабатывают горбачевское большинство – массовую коалицию выгод, которая хочет, чтобы все шло, как идет. По Герцену – «не мешайте нам жить так, как мы привыкли!»

Неудача Гайдара не есть нулевой или минусовый результат. Нечто, вопреки его замыслу сработавшее на пользу другим, теперь попадает в их руки. Другой кто-то продиктует Ельцину музыку для флейты Гайдара. Он оставил свою *коалицию выгод*. Далее, шантажируя Ельцина производственными обвалами, они выступят перед страной как сила, спасающая Кремль от либералов. Скрыв прямое своекорыстие. Но ведь и Гайдар поступал так же, изобразив спасителя от горбачевского хаоса и очередей.

Помнишь прошлогоднюю мантру – команда Гайдара «спасает Россию от голода и гражданской войны»? Забавно, что голод и война при Гайдаре как раз начались.

Гайдар разыграл сталинский дебют. Любимую игру Сталина в Губителя-Вызволителя, разнесенную по персонам мышинового калибра.

007

Советская система. Действие в логике предкатастрофы. Люди Холодной войны «продолжают жить убийством», это стирает в них личность. То, что из Холодной войны можно выйти людьми, иллюзия. Драма разведчиков, Григулевич. Новое русское странствие будет страшным ♦ Гайдар и сталинское превращение власти в собственность ♦ Советская агония 70-х, «кадры упрощателей». Непревращаемость вела к катастрофе. Меняясь и защищаясь от перемен, перестройка создала теневой промежуточный социум. Реформы идут в никуда, ловушка игнорирования «третьих состояний» ♦ Преодолеть промежуточный социум и «горбачевство Ельцина». Стабилизатор РФ – державность «доверчивой массы». Не тиранична ли эта масса? Идея насильственной безработицы. Нельзя разорять и одновременно оскорблять людей. Гайдар создал оскорбленную массу, та уйдет от Ельцина, но к кому?

Михаил Гефтер: Меня задевает одна мысль. Почему мы, люди советской страны, каждый из которых внес личный вклад в то, что послесталинский мир отошел от коллективного самоубийства, не превозмогли то, что Холодная война сделала с нами, и продолжаем вести свою личную Холодную войну? Почему? Мы действуем в логике предкатастрофы человечества. Стыдно признать, что люди, сформированные Холодной войной, и среди них неплохие, продолжают *жить убийством*. А убийство стирает в них личность. Вопрос заостряется, а ответ становится невозможен. Какой уважающий себя человек в этой свалке власти захочет ее брать? Только если он сам скрытый убийца.

Представляю, каково сейчас разведчикам, военным терять базы, зоны влияния – все, что они строили десятилетиями. Я тебе рассказывал про этого типа, Григулевича¹⁹? В науке был субъект еще тот. Глядя на него, доброго не скажешь – скользкий тип и пройдоха. Не догадаться, что когда-то был отчаянно смелый, выдающийся человек вроде Джеймса Бонда. Вхож был в покои римского папы, со Сталиным разрабатывал операции.

Я о том, что *человек слаб*. Иллюзия, будто из Холодной войны можно выйти людьми. Нельзя, это как СПИД. Дело не в том, что многих обесчестили и те деградировали. Дело в том, что великая идея человечества ушла к себе навсегда. Надо выучиться жить своим домом, через «не могу»! Иначе мы пустимся в русское странствие опять, и оно опять будет страшное.

До какой-то степени Гайдар прояснил мне природу власти при Сталине. То, что началось еще до войны, а после войны гигантски продвинулось, – *превращение власти в собственность*.

Глеб Павловский: О превращении власти в собственность тонко рассуждал Лен Карпинский²⁰.

Очень интересно, я ему как раз говорил обратить на это внимание. У него есть точки соприкосновения и с этим, как его, Виталием Найшулем²¹?

Найшуль и Кордонский²², административный рынок.

Да-да-да. На все стоит посмотреть под таким углом зрения.

Когда люди обходят тему корысти, возникает догадка, что им не помешал бы не только Маркс, но и Фрейд. В том, как Найшуль объяснял мне Гайдара, есть точные детали. Насчет психологической компенсаторики, дополнившей беспочвенность стратегии умопостигаемой ясностью. Похоже на двойные мысли по Достоевскому. Императив «преодоления совка» при проектировании условий, которые перекуют «гомо советикус» в «гомо экономикус», отворяет внутреннее подполье самому проектанту. Социальная корысть переходит в личную жуликоватость, одно подпитывает другое. Идеальное проектирование рыночного изобилия в условиях дефицита, поощряемое получением мелких подачек за какие-то лекции, выступления. Как вдруг советский подпольный человек догадался, что он теперь не подпольный, а передовой! Что ему не надо больше ничего в себе преодолевать и терзаться. Он сам себе реформатор и сам благоприобретатель реформы.

Он-то и есть найденное политическое искомое.

Искомое политическое насекомое.

...К 80-м советская система вошла в затяжную агонию. Потому что простых задач уже не было и надо было их изобретать. Спрос на кадры упрощателей в 70-е годы привел к тому, что те расплодились и забили поры системы. И я пришел к выводу, что система не превращается в другую. Это первый мой тезис. Второй тезис – но ведь тогда неизбежна *катастрофа непревращаемого*, его обвал? Как было увязать оба тезиса? Этого я не знал. Вот негативная формулировка проблемы, к которой мы пришли, уже пережив катастрофу.

А что предлагали горбачевцы? Частные улучшения – но на это никто не хотел давать деньги. Система менялась, одновременно защищаясь от изменений. Затем гайдаровцы пытались ее одним ударом превратить в иное, то исторически сложившееся, что именуют капитализмом. То есть поставили задачу несусветную совершенно!

Это сальто-мортале они называли «вернуться на столбовую дорогу мировой цивилизации», если помнишь.

Да-да, на столбовую дорогу цивилизованных наций, глупцы! Здесь, впрочем, известное философское заблуждение – *игнорирование третьих состояний*. Скажем, историю начинают с кроманьонца. Но тот возник не путем линейной эволюции приматов, а путем искоренений и истреблений всего промежуточного. Где неандерталец, куда его дел, братец Каин? Кроманьонец не мог возникнуть по прямой линии ни из неандертальца, ни из мнимой «прогрессивной веточки».

Эллинский мир, возникнув из олигархии, к демократии тоже перешел не прямо, а через тирании, опиравшиеся на народ. Вообще, мировая история – это *история третьих состояний и их вытеснения*. У нас должен был возникнуть и в конечном счете возник теневой *промежуточный социум*.

И задача политика не в том, чтобы якобы окончательно похоронить сталинскую систему, не выйдет. Кто «реформирует посткоммунистическое общество», тот реформирует ничто. После 1987-го из СССР сконструировали нечто межеумочное. Теперь задача реформы, если бы была реформа, – *преодолеть горбачевство* как промежуточное состояние. И *ельцинское горбачевство* в первую очередь! Реформа может лишь заместить и превозмочь эту вот промежуточную систему, возникшую у нас на глазах. Описав ее и поняв.

Распад Союза – не просто разрыв экономических связей, а паралич системы, когда та уже как централизованная невосстановима. Радикально меняется первичный набор условий.

Возник новый момент – суверенная Украина. И Россия должна возникнуть заново, как нечто не имевшее места никогда.

После наших долгих с ним разговоров Явлинский понял, что необходим этап создания предварительных условий. В рамках которых далее можно провести реформу. Это надо теперь перевести в политическую конкретику.

Тут игра со словом «реформа». Создание условий, благоприятных для действия, и есть то, что следует иметь в виду под реформой. Что значит «начать реформу» после этого? После этого надо просто начинать жить. И спорить о сценариях будущего развития. Сейчас такой спор действительно не имеет ценности, не влияет ни на что.

Эти предварительные условия должны представлять собой нечто политически целостное, взаимоувязанное, разумно объясненное. Такие вещи, как проект Конституции²³, – болтовня, которую Шейнис²⁴ с Румянцевым²⁵ написали. Конституция вообще не смеет вводить какой-то «общественный строй». Строй общества вне рамок любых конституций! Ее задача – только установить устройство государства, не более необходимого минимума: федеративный договор, разделение властей, переведенное в правовую норму, что-то еще. Не так много. Нет, они все гонят к одному и тому же: приватизация по единому рецепту!

У нас масса причин для раздражения, но нет смысла раздражаться. Если решить, что программа предварительных действий, то есть реформа первого порядка, лишь создаст условия для безопасного для участников спора об их общем будущем.

И очень хорошо. Жалко, что ты не записываешь.

Записываю. Но тебе ни о чем не говорит обстоятельство, что происходящее так легко принимают столь разные силы? Если говорить о русской России, не кажется ли тебе, что процесс тут идет обвальным и неуправляемым путем?

Начинает идти, да. Например, так называемая регионализация.

Не только. Собственно говоря, какова альтернатива? Он мог пойти путем смелой политики, резко нарушая баланс старого общества. Или путем опоры на скрытые структуры общества, реально сложившегося в тени перестройки. Дела пошли вторым путем. И в приватизации, и в государственном строительстве мы видим признание неформальных структур перестроечного общества населением.

Они принимают их, вот в чем дело! Конфликта нет, сопротивления нет. Поэтому, кстати, неосуществим переход собственности к трудовым коллективам. Помнишь, повсюду учреждались трудовые коллективы – и все тут же перешло в руки заводских администраций. Рабочие не хотели управлять. Журналисты не взяли в руки СМИ, хотя закон прямо отдал их журналистским коллективам. Советский «виллан» захотел господина и его получил. Ельцин лишь символ господства.

Потому что политика не ставила задачи создания дееспособной администрации. Никакого общества не существовало, были его проблески, зачатки. А главное, шел процесс распада Союза. Начиная от элементарного жизнеобеспечения, затрагивая это чудовище ВПК, ситуацию в армии. То есть вещи, которые никакой экономической моделью в мире не предусмотрены. А ведь они и диктуют общие рамки!

Ты говоришь, что нет сопротивления, но в этом спасительный эффект распада Союза. Как бы все пошло в более рациональной модели, открытой мировым рынкам? Трудно сказать. А тут *державные эмоции обеспечили наличие доверчивой массы, ориентирующейся на власть*, какова она есть. Вцепились в нее, потому что им страшно – не дай бог последнее потерять, это уж совсем конец света! Все такое идет на пользу Ельцину, это его главный капитал.

И практически все идет на минимуме конфликта, политическая активность подавлена.

Принимают экономические решения, ориентируясь на внеэкономические обстоятельства, которые на деле играют решающий характер. И не были предусмотрены никем и ничем. Но где-нибудь это должно сойтись.

Сойтись? В чем? Это консенсус, о котором мечтал Горбачев, но консенсус вне идей и вне принципов. Уже тирания, но пока без тирана. На чем тут можно сойтись – на персоне тирана?

Сойтись на том, чтоб решить вопрос, что такое Россия внутри для самой себя. Что такое Россия в комбинациях ближнего зарубежья, которое, в свою очередь, входит в неясные комбинации за пределами бывшего СССР. Что такое Россия в альянсе с Америкой в мировом составе. Со всем, что из этого вытекает, в том числе крайне опасным.

...Осмысление сегодня – главная задача. Я Юре Буртину²⁶ говорил: что, Юра, хочешь всех выгнать с работы? Куда их выгонишь и кто решится выгонять?

Он за люстрации теперь и за безработицу.

Даже на крупных предприятиях, кроме военных – те еще на пристойном уровне, – трофейные станки, устаревшее оборудование. Текстильная промышленность в жутком виде. Ну кто решится закрывать сотни предприятий? Нельзя же и разорять людей, и их оскорблять! Я не верю, чтобы профессиональный экономист Гайдар не знал, что от того, что они отпустили цены, предприятия не станут производить больше и лучше.

У него там главным идет прекращение госдотаций, тогда 70 процентов промышленности разорятся, а остальные начнут работать в новых условиях.

Да-да. Мы у человека отнимем средства выживания подчистую, и он вынужден будет работать иначе! Экономика Генриха VIII²⁷.

Ага, но без шерифов, без законов против бродяжничества. И без мануфактур.

Что очень отвечает личности Ельцина. Взять и в два дня все переменить! На пять дней его не хватит, на месяц тем более, заскучает. Ельцин любит процесс, но без участников процесса, как быструю езду без кучера. Что для него важнее – цены в ларьке или то, как убили Романовых? Я не уверен, что первое.

Державная масса останется доверчивой не навсегда. Поскольку ее оскорбляют, однажды она уйдет от Ельцина, но к кому? Кому ее Гайдар подготовил?

008

Нам недостает российского Октавиана. Фактор X в экспансии христианства. Новые люди – те, кто переменился; остальные мертвы. «Воскресение для тех, кто изменится». История как работа спасения. Человечество – деятельность Слова, сомневающегося в полноте, настаивая на вселенстве. История и сопротивление повседневности. Ответно азиатничающие русские в монгольском пространстве экспансии. Зачем Риму христианство? Империя должна была перед кем-то предстать. Российская реторта – от Чингиза и Маркса до Псалтыри. История и история философии в России – одно и то же. Русскую историю начал Чаадаев, объявив ее вне мировой истории. Действие Чаадаева соразмерно действию апостола Павла.

Глеб Павловский: Привет! У меня подозрение, что ты вряд ли дашь мне эксклюзивное интервью про отставку Юрия Петрова²⁸ с поста главы Администрации Президента Ельцина? Для агентства Postfactum²⁹?

Михаил Гефтер: Глеб, нам не хватает Октавиана.

Кого-кого?

Гая Юлия Цезаря Августа³⁰. Недостает российского Октавиана. Ох и занятная вещь христианство.

Занятная в каком смысле?

Как-то оно ни из чего не проистекает. В его предыстории не хватает того, что так понесло вперед. Да, века на это истрачены, но все-таки. Есть фактор X. Я до конца не могу понять, как составила Библия? И кто мудрый понял, что без Ветхого Завета Евангелие не сработает? Новым Заветом нельзя было ограничиться. Но в условиях той конфронтации и вражды это ж надо было кому-то сообразить! И кончается оно совершенно еврейским текстом Апокалипсиса, ветхозаветным по стилю текстом! Что за гениальная рука.

Насчет руки есть каноническая гипотеза, ты ее знаешь.

С точки зрения теологии тоже неясно, зачем Апокалипсисом завершать Новый Завет. Даже принимая все на веру, и то есть вопросы. Вообще, веры не сохранить, все принимая на веру!

У буддизма внутри – человек Шакьямуни³¹, который сам и сооружал все здание. Огромное пространное глубокое здание. Но – исключаящее действие. То есть действия определенного свойства предусматривая, конечно. Язычники вообще лучше мирились со смертью, попусту она их не терзала. Что-то в язычестве такое – масса богов, личин, игр, и, хотя грозят много бедствий, много и интересного. Завидное существование! Но в христианстве все иначе. Вот скажи мне, как думаешь, Судный день будет?

Да, я убежден в этом.

Знаешь, неожиданно пришло в голову, что *воскресение только для тех, кто изменится*. Это в их только существовании, а так – все мертвы, кроме тех, кто переменялся. Что за мощная генерализация в понятии *новые люди*! Люди, просвещенные светом истины, меняющиеся люди. Впервые в истории образуется такая жесткая обусловленность прошлого будущим.

Ты не психологизируешь ситуацию? Евангелие исходит из буквального воскресения, а не из психологического обновления; Христос не психотерапевт.

Я акцентирую *Событие внезапности*. Событие непредусмотренности, неожиданно. Эта формула не антична. Античный мир ценностей строго в пределах полиса и полисного человека. А здесь в норму включены все.

Ты высказал важную мысль, я хочу уточнить ее: Христос воскрес для тех, кто изменится? Но изменится не переживанием же, не в своих ощущениях! Ведь речь о реальности. Если речь не идет о реальности, потерян весь смысл спасения!

Я не реконструирую евангельский текст, но речь и идет о реальности. *Реальность, именуемая историей*. Сколько можно повторять, что история не то, что я где-то там талдычу или Геродот написал? *История – это работа спасения*. Труд, и труд смертельно опасный. Дерзко предположу, что у него были прологи и преддверия, но в итоге Человечество – сосредоточенная во времени деятельность. Действие слова, творящее реальность, никогда не достигая полноты абсолюта. Слова, которое с собой полемизирует и сомневается в своей заявке на полноту, но твердо настаивает на вселенстве.

А из чего видно последнее?

Поскольку Слово стало реальностью, «жило среди нас», и в меру того, что оно заявило себя историей, это оборачивается повседневностью – а повседневность историей быть не хочет! Из того, что мы с тобой гробим себя в попытках перенацаться, не вытекает, что я и ты стоим выше любого человека. Что ни придумаю, а начну эту книжечку с крестом листать, и в ней нахожу. История не с Геродота, а лишь с какого-то момента притязает стать всем, но всем не становится. Зато вбирает в себя полемику с собой на сей счет. Полемику подпитывает *сопротивление повседневности*. Повседневность сама обучается сопротивлению у истории и, набрав силу, выходит к действию, как во французском Термидоре.

Что оскорбительного в том, что кто-то вне истории? Идиотская выдумка, которая вредит сознанию. Китайцы пожили вне истории, а теперь втянуты в нее.

Есть много способов оказаться внутри истории, не будучи в ней.

Да, это важно. Допустим, китайцы снабжают собой и новинками вроде налоговой системы монголов. Монголы решают проблемы кочевого образа жизни с помощью чудовищного выплеска, появляется Чингиз. В процессе монгольского отката, распада улусов – экспансия *ответно азиатничающих русских* навстречу. Все втянуты в историю и становятся фактом мирового процесса.

История открыта для всех, но не всех может удержать в себе.

История как проект, как заявка, притча. Как ситуация Иисуса поначалу. Потом она прикинется новоевропейской цивилизацией. Почему Риму выгодно было, умирая, принять христианство? Что за блажь Константина? Рим чересчур много в себя втянул, и оно уходило из

рук. Рим держал единообразием, римским правом, геометрией дорог, кстати сказать. Даже ненавязчивым влиянием там, где не встречал контур боя. Рим влез в жизнь всех, и надо было затвердить их сознанием новой твари. Мировой власти нужно было перед кем-то предстать!

Английская революция осталась на острове, американская осталась национальным движением. Французская же такой выплеск дала! Влияние ее оседает, национализируется и террито-риализируется, чтобы потом возобновиться. Но такого буквализма, такой горячности вспышки, как в российской реторте, где наметалось всё, нет нигде. Все соединились, от Чингиза и Чаадаева до Маркса и Псалтыри.

Я хочу встать на дерзкую или дикую точку зрения, что *история и философия истории* в России – два имени одного и того же. Русская история *как история* начинается с того, что Петр Яковлевич Чаадаев, «человек 1812 года» из победителей Наполеона, проводив цвет друзей на каторгу, от них внутренне отмежевался. История России начинается с того, что человек объявил Россию вне мировой истории, а миру заявил, что теперь это его проблема!

Парадоксально, но не так уж невозможно. Человек не меньше всей России.

Соразмерно Иисусовой ситуации начала, от Павла.

Параллель с Иисусом меня вновь настораживает, честно говоря.

Нет, не с Иисусом – с Павлом. Если *все* принимается за Благоую Весть или за Закон истории – что один и тот же абсолютизм духа, – то ничего непредусмотренного больше нет, страшиться нечего и все обозримо в едином порядке, как предмет.

Сегодня банальность сказать «ни эллина, ни иудея», а с чего бы? По отношению к Иисусу, который вообще имел дело только с евреями? Есть ересь по отношению к привычному, и есть раздвигающий ересь предел. Это Павлом из Иисусовой речи вычленено, что и я, Павел, непременно воскресну!

009

Лица 1991 и 1993 года, «Гай-да-ра!». Перемены в лице Ельцина. Русский либерал не мыслит Россией, поскольку не мыслит Миром. Фарцовщики на смену партсекретарям. Русский вопрос против «русской идеи». Антисемитизм – не еврейский вопрос, а русский. Если не начнем говорить честно, завтра начнем отрывать головы.

Глеб Павловский: Что такое вообще русская жизнь сейчас? За пределами маленьких сообществ есть ли она вообще? Я не вижу форм соборной жизни. Весной 1991 года, когда все повалили на улицы, бывала удушливая атмосфера толпы. Но не было этой истерии.

Михаил Гефтер: Смотрю съемки тогдашних демонстраций и сравниваю с новостями. Слушай, ужасные лица! Это не человеческие лица уже. Отвратительно и то, как они кричат. Лица 1991 года были другие, просветленные лица.

Не знаю, просветленные ли, но живые московские лица. Для демроссиек теперь характерны пропрезидентские бабы лет за пятьдесят, страшноватый типаж.

С гримасами на лице, с детьми, в истошный крик с полуслова. Я еще понимаю, когда они кричали «Ельцин!», но кричать «Гайдара!» – для женщин в таком возрасте, ей-богу, это нечто специфическое. Ощущение у меня – плохие лица. Но и с той стороны не лучше. А какое жуткое лицо стало у Ельцина, видел? Одутловатое, тяжкое. Он выпал из предуготовленной себе роли. И страшновато смотреть, когда это лицо он собирает. Как медленно, с трудом его части лица поднимаются и плывут навстречу. Кок у него идиотский. Изменили прическу, взбили павловских времен кок! Кошмар, что с человеком сделалось.

Пора спросить наших либеральных друзей: отчего либеральная мысль в России всегда обречена на неосуществимость? Потому что не мыслит Россией. Они не умеют мыслить Россией, не дотягивают до масштаба. Эти «западники» никогда не знали европейского мира! Либеральное в России осталось провинциальным. Может быть, для либералов пришло время, но им надо стать совершенно другими. Когда ты спрашиваешь, откуда в лидерах демократии такая бедность, ты по Чаадаеву поставь вопрос. В Чаадаеве и западники, и славянофилы предвосхищены. Обрати внимание: те и другие в XIX веке мыслят не узко Россией, а *Миром*, где России надлежит найти место, сильнее всего повлияв на будущее Европы.

Зачем тебе эта вилка – западники, славянофилы? Упрощение и путь к умственной нищете «Общей газеты». Есть смысл отречься от таких слов.

Можно отречься, но уже на них все поделились.

Забыть эти ярлыки нужно для того, чтобы исследовать, как на них поделились. Что поймешь, с самого начала оперируя ими?

Возьми наши разговоры в 1982 году – ведь мы уже были ментально внутри катастрофы и осматривались в ней. Правда, мы иначе представляли катастрофу. Казалось, та пройдет по пути правового опустошения при готовности советских людей участвовать в абсурде.

Что обвал Союза приобретет буквальный характер, трудно было представить. Я писал о таком в самиздате, но сам думал, что это гипербола, преувеличение.

Знаменитая фраза Марика Печерского³²: «Кто придет на смену комитетчикам и партсекретарям? Фарцовщики!»

XIX век выступал для нас позицией отпора диктату, где можно закрепиться и мыслить. Но катастрофа случилась. Готов ты обороняться в XIX веке как в бастиионе русскости? Это возможно, но тогда давай делать это последовательно. Катастрофа сместила ось, века обвалились вслед Союзу.

И это подстрекает к ревизии XIX века. В некотором смысле все в XIX веке – и Чаадаев, и Леонтьев, и Герцен, и Желябов с царем Александром оказываются для нас уравнины.

Ряд раздвинулся за горизонт XX века. Былые катастрофы русской истории приобрели вид предисловий, а не фатальных обвалов. Русский мир пока нерушим.

Да, но он потерял свою глобальную альтернативность.

Достаточно ли Чаадаева для того, чтобы заново переформулировать чаадаевский вопрос?

Это бесспорно. Вот зачем я вслушиваюсь в то, что говорят Распутин³³, Бабурин³⁴ и даже Жириновский³⁵. Дело не в том, что русский вопрос нельзя поставить в либеральном контексте. Русский вопрос после Пушкина принципиально не может ставиться однозначно. Нужен пучок «русскости», ее гамма.

И я возвращаюсь к мысли о том, как выйти к *взаимному непониманию*. Как, выслушав друг друга, попытаться понять сначала то, о чем мы говорим *разно*? Исходя из посылки, что сказывание некорыстно и говорящие не мерзавцы. Пусть мы ошибемся, такая посылка совершенно необходима.

Конечно, есть закавыка. Конструирование русского вопроса идет по образцу еврейского вопроса. Как ты говоришь, «русский сионизм». Но это не так спекулятивно, как кажется на первый взгляд. Если представить израильского еврея маргиналом в *Маргиналии Россия*, близость русского вопроса еврейскому очевидна.

Черт побери, уже полпервого!

Я отвлек тебя.

Нет, этот разговор мне очень на пользу.

Заметь, именно теперь Россия стала кардинально непонятной. Я в программе у Киселева хочу заявить: слушайте, страшно вырос риск того, что стало невозможным говорить по целому ряду сюжетов. О Сталине говорить вообще уже не с кем. О русско-еврейских отношениях – ненормальный разговор. Или что за «русская национальная идея»? Я это словосочетание хочу понять. Идея, которой руководствуются русские? Или идея, которая родилась в России? Какая-то особая, национальная идея, и раз у тебя ее нет, ты не русский? Но это же бред. И почему она в единственном числе, в чем она состоит? В Третьем Риме? Во вселенской отзывчивости? Сейчас конец XX века, вселенская отзывчивость – это Майкл Джексон!

Я с тобой спокойно обсуждаю нераспространенные вещи, от чего страдают люди, считающие себя русскими. Заметь простую вещь: в России антисемитизм вообще уже не еврейский вопрос, а русский. Почему люди, застрявшие в понимании самих себя, это непонимание раскрывают через проблему, которая, в сущности, ушла?

Ты думаешь, это опасно?

Опасно все, что уводит действительные проблемы из серого вещества мыслящих людей. И болтовней детонирует страсть, питаемую совершенно другими вещами. Абхаз с чеченцем убивает грузина, грузин – абхаза. Что, русским тоже пора начать убивать, чтобы выстроить свою жизнь? Как сказал наш тупой начальник Генштаба³⁶, занять круговую оборону против земного шара, поскольку у России нет ни союзников, ни врагов?

Если мы сегодня не решимся честно говорить о Сталине и о русском страдании, завтра будем отрывать головы и грозить целым странам. Поверь, я это уже видел, на весь такой путь уходит не больше десяти-пятнадцати лет.

010

Сталин – скрытый душегуб. Это не мешало его «центристской» политике, пока та не подошла к пределу. Мир не смог перейти в иное состояние без миллионов смертей. «Смерти показаны Миру, который не справился с собой» ♦ В Мире второго пришествия гибели оправданны. Но сегодня и этого ресурса нет. Человека «нельзя заставить жить в обществе разных». Государственно легитимировать разность. «Одинаковые люди чудовищны в своем прогрессе». Российская техника превращаемости в иное. Ключ в появлении «русских стран».

Михаил Гефтер: Я убежден: у Сталина была природная, скрытая склонность к душегубству. Это бесспорно. Но ведь не вынужденно он вел политику иначе, пока шел по пути умиротворения. Он действительно был лидером умеренных. Пусть отчасти под давлением обстоятельств, как Ленин. Но когда «центризмом» он дошел до края возможного, его вдруг отбросило к тому себе – естественному Душегубу.

И так же как Сталин, весь тот Мир не мог перейти ни во что иное. А чтобы Мир не погиб, чтобы не закончился досрочно, потребовалось много смертей. Каждая в отдельности ничем не оправдана. Все вместе они «оправданны» как принцип, никак не согласующийся с человеческим смыслом слова «оправдан».

Оправданна ли гибель *шести миллионов евреев*? Оправданна ли гибель всех, кто погиб в войне? Ни одна из смертей в отдельности, никак и ничем. И вместе они ничем не оправданы. И тем не менее, и тем не менее. Эти *смерти были показаны* тому Миру, который не сумел справиться с собой.

Глеб Павловский: Сильное утверждение, но дальше слабей. Ты сказал буквально следующее: мир не смог перейти ни во что иное и сохранился убийственным образом. В чем тогда для нас ценность его сохранения? Существует какая-то его человеческая ценность или то чистая судорога выживания любой ценой?

Да, ты прав. Моя мысль такая: ничья гибель не оправданна – даже слово это мне невыносимо! – ничья в отдельности, очень важно. Но *все вместе смерти были показаны* Миру, который иначе не мог. *Мир не имел иного ресурса, чтобы отсрочить свою гибель.* Дело же в том, что и сейчас у нас нет этого ресурса! Для нас реален только поиск принципиально отличного ресурса, чем расчет гибелями.

Ты все-таки ушел от вопроса: а тот мир – его нет уже?

Да, его нет.

И что это за мир, которому ты вменяешь «показанность» убийств?

Это Мир второго пришествия, Мир Апокалипсиса, Мир Шекспира, Мир Маркса. Мир, выросший из революций классического вида. Мир коммунизма. Мир необуржуазности, которая обновила классическое лицо, став субъектом трагедии. Не только потому, что ее оплодотворили, подбросив идею планового хозяйства и социального государства. Но потому, что буржуа был вовлечен в трагедию, в которой смог возродиться.

Моя главная мысль в том, что ситуация, беременная потребностью в альтернативе и не в силах разрешиться – «отальтернативиться», повела путем гибелей. Не могла не пойти,

отсюда *оправданность и показанность гибели*. А сейчас и этот ресурс невозможен. Хотя фактически и задействован, но невозможен глобально в той роли.

Значит, альтернативность должна стать бытием, переходящим в быт, в обиход. Значит, люди станут жить ради того, чтоб другие остались непохожи на них. И им придется это понять и признать – либо выметаться с планеты.

Я понимаю. Ты говоришь о мире второго пришествия, то есть, в сущности, о мире истории. Тогда и то, что ты говоришь о «показанности убийств», тоже относится к миру истории, а не к какому-то извращенному коммунистическому сегменту. Но в какой мере можно говорить о его конце? Ведь концом бывает только появление нового?

Честно говоря, о конце нам говорить еще рано. Когда-то я твердил, ссылаясь на древних: *Мир завершен, но не закончен*. Но ситуация «завершен, но не закончен» – ситуация передги-бельная. Она вовсе не та, что раз мир завершен, но не закончен, его можно длить и длить.

Позвольте, ведь и раньше все строилось на завершениях. «Стой, мгновение, ты прекрасно», второе пришествие Христа, коммунизм Маркса, который не вытекает даже логически из социализма. То, что Ленин бормочет перед смертью, уже не языком Маркса, а языком черновиков его неотправленного письма к Засулич. Полумертвый человек говорил, что госкапитализм выше социализма, а его слушали и не понимали – что за бред несет наш Ильич?.. Эта коллизия «завершен, но не закончен», она трагична.

Трудный для меня пункт. Где-то во мне сидит еще тот революционный малыш и талдычит: живите делаясь! Но позвольте, вы нас хотите заставить? Чистая словесность! Человека можно принудить жить в *обществе равных*, пока не придет апокалипсис, и только в ожидании его. Но *принудить жить в обществе разных* – принципиально невозможно! Мы погибнем раньше, чем комета Энке³⁷ нас заденет хвостом. Это красиво, но это не для XX века.

Переведем задачу Гегеля-Кьеркегора на язык отдельного человека. Если он движется к личности – сознание уходит от него, пока он стремится обнять мир, но вернется к нему, когда миром станет он сам. Но мы-то знаем: так нормальные люди не живут! Пусть мы с тобой в рассуждениях иной раз доходим до точки самоубийства, нельзя же такое предписать людям. Значит, вопрос в том – я вынужден это в 1000-й раз повторить, – чтобы государственно и политически *легитимировать разность*. В том, чтобы перейти к *работе различия*, сделав его предметом и целью деятельности. Отказавшись от прогресса под копирку. Деятельность, переориентированная на множественность, политическая *работа различия* таит в себе ряд новых возможностей. Экологических в том числе. Пока люди одинаковые, они чудовищны именно в своем прогрессе.

Дай подумаю над тем, что ты сказал. Сомнительно для меня место твоего суждения – из центра, якобы равноудаленного от различий. На самом деле ты мыслишь изнутри сужающейся территории одного из них. И как могло быть иначе? Симметрии равноудаленности не существует.

А чего ты от меня ждал? Описанное Куном в работе о научных революциях³⁸ верно и для личного опыта: человек за свою жизнь не в силах сменить больше двух парадигм. Тремя его бьет наповал!

Формула должна быть конкретнее. Для той традиции, в которой ты и я находимся, понятнее *мобилизация ресурсов вхождения в других разных*. Нашей культуре характерен отказ входить в чужую жизнь иначе, как средствами *власти*. Средства власти – единствен-

ный канал, которым наша с тобой власть дорывается до каждой особой жизни. Это не всегда насилие, но всегда арматура быта. В конце концов, советские до Мозамбика чуть не дошли. Это вопрос способности или неспособности культуры к ретрансляции. То, что ты пытаешься мыслью осуществить, – это создать отсутствующую в инвентаре русскую технику проницаемости в иное. Так или не так?

Так, так. Скажем, мир Запада выучился соучаствовать в ином, но не может это делать без собственной выгоды. И сейчас на России виден его лимит – давайте, русские, расплачивайтесь утечкой мозгов и сырьем! А для этого станьте как мы.

В русском поведении самое жалкое – отношение к своей культуре. Перед чужим мы лишь бессмысленно пыжимся и пыхтим. Насчет «русской ментальности» и «нашей великой традиции» наворотили столько ядовитой чуши, как редкая цивилизация в отношении себя. Создана гигантская зона неблагоприятствования русской традиции, она называется Российской Федерация. Это самое нерусское из наших изобретений.

Совершенно верно. Если бы мы перестали существовать, как описанный Брэдбери Марс³⁹ – его модель великолепна! – еще бы куда ни шло. Но мы продолжаем влачить существование вместе с советскими ракетами, газгольдерами, Президентом и прочее. Но и мой ум на чем-то кончается, ты учти. Я все же мальчик из той советской Атлантиды. Для меня, если перевести на язык политики, ключ ко всему – в творении *разных русских стран*. До этого пункта я дошел и дальше не очень подвинулся. Между прочим, оттого, что мало ездил.

011

Приход суверенного убийцы Кавказа – «треугольная паранойя при участии русских войск». Истоки зверств. Человечество умерло в 1940 году, есть «планетарное множество». Мировой трибунал США – всемирное чрезвычайное положение. Путь вверх как путь вниз. XX век – реальное движение в небытие. «Я не знаю, кто к нам оттуда придет».

Михаил Гефтер: Эти парни, которые громят турок и оскверняют могилы на еврейских кладбищах. Афганские бандиты или Саддам Хусейн. Надо выявить вызов, который, не найдя ответа, вызвал из глубины и формирует новую жуткую фигуру – *суверенного убийцу поневоле*.

Глеб Павловский: А он правда – поневоле?

Если *суверенный*, то *поневоле*. Вчера он защищался, а теперь по закону войны наступает. Для прежде оборонявшегося человека его наступление столь же законно. А раз наступает, как ему не убивать?

Но почему он убивает так зверски?

Потому что инстинкты вернулись к его открывшемуся человеческому первоначалу. Взялся читать статью Янова⁴⁰ и бросил. Какая к черту веймарская Россия? Ты можешь себе представить, чтобы в веймарской Германии немцы сотнями убивали друг друга и насиловали девочек? История Кавказа – абсолютная треугольная паранойя при участии русских войск.

Это не говорит о том, что Янов дурак. Он про то, что возьми нас и брось туда, кого угодно...

Притом в середину событий, когда все режут всех и непонятно, кто прав, кто виноват.

Послали на место указ – «Надо принять решительные меры». Тот их и принял против ингушей.

Те озверели в ответ и, видимо, были страшны. Там же дети шли кавказские – каждый должен испить крови врага. Нет, Президент идиот, конечно.

Но почему тема зверства существенна, чем это не стандартное военное преступление?

Она заново первична. В зверствах есть что-то из первоначальных глубин, восходящих к ритуалам изнасилования. Оттого опасна эта новая мода судить за геноцид. Вопрос о вине за прошлый геноцид мне казался детской игрой. Но сегодня им вводится во все регионы планеты фактически чрезвычайное положение. В чудовищных размерах являя новый суверен, мировой трибунал с правом на смертную казнь и ковровые бомбардировки.

Нет, Глеб, я глубочайшим образом убежден, что *человечество умерло*. То же, что есть, – иное планетарное множество. Нечто проламывается сквозь весь этот ужас. Никакого удовлетворяющего объяснения этому я пока найти не могу.

И когда это случилось? Что считать условной датой смерти человечества?

Думаю, 1940 год. Меня обуяло совпадение путей вниз и вверх. Гераклит сказал: путь вниз и путь вверх один и тот же.

Но что такое «путь вниз»? Вниз, в небытие, вместе с тем вниз – к истоку. И весь XX век – от смерти к истоку.

Я стал видеть XX век как движение в небытие. Вместе с тем оно оттуда возвращалось и освобождало. Но сегодня, когда явился суверенный убийца поневоле и вышел на авансцену жизни – кто он нам? Антипод или блудный сын? Это же мы, мы сами, еще не попавшие в его ситуацию. Потому что, когда и мы в нее попадем, мы станем тоже такими убийцами!

Для меня здесь предел личных мук в поисках смысла истории, когда я признал, что движение вниз направлено вверх же. А словцо 60-х годов *зигзаги истории* – термин, который я слышать с тех пор не могу! Идиотский образ, и ничего не объясняет. Зато с ним пришла оттепель, что многим людям помогло жить. Правда, делая из них идиотов.

Возникает проблема *совместности несовместимого*. Несовместимое жизнепоказано. Мы не смеем решать эту проблему! И тогда угроза последняя – я не знаю, *кто к нам оттуда придет*. Но у меня нет других слов, понимаешь, Глеб? А все считают, будто я не говорю, а медитирую.

012

Большинство и меньшинство на Западе. Русское уродство – разделять чужое горе. Чрезмерный парадоксализм русского мира. Человеческая жизнь и случайность выбраковки. Уровень, превышающий смерть; человек возник у пониженного уровня. Сбросы к состояниям, когда смерть приравнена к жизни. Непроверяемые допущения о человеке. Человек – существо, выдумывающее себя ♦ С человеком в момент происхождения произошло «что-то нехорошее, аномалия». Тема конца истории пуста вне темы человеческого начала. История – это случайное приключение с человеком, смертельно опасное под конец.

Михаил Гефтер: В Кёльне есть система вроде телефона доверия, куда иностранец, которого обижают, может обратиться, и группы гражданского действия вклиниваются в конфликт. И только если у них не получится, зовут на подмогу полицию. Люди действуют! Выходят со свечами на демонстрацию сотни тысяч людей, а бесчинствует меньшее число. Но бесчинствующее меньшинство заставляет считаться с собой политиков. Благополучие настолько прочно, что им не хотят с кем-то делиться. С другой стороны, если не они, то кто? Не мы же. Надо уметь быть счастливым в плохо устроенном мире. В нашем русском уродстве живешь большую часть жизни, этого не замечая.

Глеб Павловский: В чем?

В представлении, что, раз людям плохо, ты нравственно обязан разделить их судьбу, постоянно ощущая горе. Это же неправда! Наш чрезмерный парадоксализм или трагизм русского мира, он сам из прошлого. Чернышевский, между прочим проницательный человек, это предвидел. Нужно войти в русскую жизнь его дурными предчувствиями насчет молодежи, чтобы понять, откуда *разумный эгоизм* и прочие вещи. Не пора ли отстранить помехи нормальным отношениям с людьми? Может быть, пришло всемирное царство повседневности?

А кто его царь? Разве не сам решаешь, ты из этого царства или идешь искать собственное?

Ну я-то конченный человек, но есть масса молодых, рождающихся.

...идиотов. Идиоту проще обжить готовую повседневность. Как в театре, где у актера есть «предложенные обстоятельства».

В жизни предчеловеческой и дочеловеческой, включая человеческую – и вообще в жизни как таковой, – шла игра в *случайность выбраковок*. Чем достигалась устойчивость, и развитие шло как развитие различий. Но устойчивость достигается, и в том закон жизни – на уровне, *превышающем смерть*. Однако в истоках Homo sapiens нечто случилось с нашим предком на уровне, не превышающем смерть, или очень близко к этому уровню. И раз за разом происходит сброс, возвращение к уровню, где смерть почти приравнена к жизни.

Классная мысль. У нее одна слабость – слабость непроверяемого допущения.

Но в отношении к человеку это всегда будет нашей основной слабостью! А что, ты сумел уйти от нее? *Все человеческое построено на непроверяемом допущении.* Правда, мы еще конструируем всякие штуки. Есть феномены возврата, есть циклические феномены. Но в целом бытие человека сплошь из непроверяемых допущений.

Они бывают так сладки на вкус, эти непроверяемые допущения!

Они так увлекательны, что без них нельзя человека представить. *Человек – существо, выдумывающее себя.* Этим оно выломилось в историю. Дома это воспринимаешь тупо, а в Европе свежей.

...Что-то с этим нашим Номо, с пра-пра-прасapiенсом, все-таки нехорошее приключилось.

С прачеловеком?

Да. Что-то приключилось с *Homo sapiens*, какая-то жуткая психическая аномалия. Что-то он стал делать, по эволюции не положенное, и пошло-поехало. Иначе все остальное объяснить нельзя. Да и роль подсознания ждет объяснений. Впрочем, ни одно объяснение не вправе требовать от нас слишком много разъяснений самому объяснению!

Я вчера разговаривал с Сережей Чернышёвым⁴¹, он хорошо пишет, между прочим. Его антифукуямовская речь написана хорошо, свободно. Потом он зачем-то начинает логическое деление всего на три, и еще чего-то на три. Я ему говорю: «А вам это нужно?» Он мне: «Я думаю, это нужно другим». – «А мне, понимаете ли, это не нужно. У меня другое мышление».

Различие в следующем. Если мы не обсуждаем всерьез вопроса о том, что такое история и где ее начало в пределах человека, где размещен человек и что есть история Номо, то к чему обсуждать тему конца истории? Начало истории, это что – когда человек встал на ноги? Тогда я не вижу предмета. Но если мы *мыслим человеческое начало*, вопрос о его конце приобретает мощную актуальность. И обязывает вернуться от конца истории к ее началу. Как еще говорить о конце чего-то, что не исчерпало собой человека и не тождественно его бытию?

Чернышёв говорит: «Я считал, это очевидно». Хорошенькое дело! Меня за сумасшедшего считали, когда я в Секторе методологии⁴² начал на этом настаивать, – решили, что у Гефтера навязчивые идеи. А в основе концепционный провал работы над первыми томами «Всемирной истории»⁴³ – не выходило! Концы с концами не сходятся. Стал разбирать, что за «исторические формации» и зачем их Марксу на уши повесили как лапшу? Никакого отношения к этим выдуманным формациям он не имел. Но тогда, видишь ли, история должна была где-то *начаться*. Тогда она сравнима и сопоставима. Ведь *история – это случайное приключение с человеком*, она моментальна. Лишь когда речь идет о событиях внутри у нее, сопоставимое раздвигается и для нас гигантски наполнено.

По-моему, это связано с проработкой смерти. С осознанием и способом включения смерти в сознание. С местом смерти внутри человека, отчего история к концу стала смертельно опасной.

Зима

Президентский совет и управление Миром

013

Мотив президентства в обществе «Холокост». Идеи бездейственны, им необходим маркетинг. Ельцин готовит включение Гефтера в Президентский совет. «Использовать Кремль, чтобы для людей что-то сделать» ♦ Образ Бэция, жизнь после конца Родины и себя. Светопреставление внутри человека. Неудачник эпохи идет к новой содержательности. Понимают ли европейцы?

Михаил Гефтер: Знаешь, вот точка, которую я пропустил, живя и действуя по инерции. И тут Всевышний надоумил тебя изъять меня из кучи жизни. Дом, Пахра. Точка, где все заново. Где что-то с временем происходит. Просто ходить, трогать книги, выйти к реке. Даже если что-то не вырастет – а может, и вырастет что-то из этого, – все же лучше уйти с этим, чем до этого не дожить.

Глеб Павловский: По-моему, ты активно восстанавливаешь себе на новом месте невозможность работать.

Ты еще со мной вежливо говоришь. Но Глеб, я обуян идеей русско-еврейского сотрудничества!

Такие вещи не делают через общество «Холокост»¹. Води карандашиком по бумаге. Ты же Россию знаешь – здесь значимы либо слово, либо поступок, но не организация. Извини, ты стар, чтобы начать организовывать что-либо.

Был утренник, десять или пятнадцать человек, русские дети, симпатичные, каждый спрашивал меня: «А что такое Холокост?» Они даже не знали. Надо, в конце концов, что-то воссоздать. У меня идея поставить работу и уйти в сторону.

Хочешь анекдот? Чубарьян, знаешь такого? Гаденыш, в свое время наделал мне бед, а теперь пишет характеристику – на *Президентский совет*² по заданию Ельцина!

Ты решил провести утренник в еще одном детском доме, в Кремле?

Но я решаю для себя детский вопрос, Глеб, – могу я кому-то вообще и в чем-нибудь быть полезным? Могу я использовать Кремль, чтобы для людей что-то сделать? Если не могу, то мне лично это не нужно. Понимаешь? Я давно отработал свое честолубие. Как у всякого человека, у меня оно было, чего скрывать. Но – отработал. А в этом деле надо либо заявить себя независимым, либо кому-то существенно помочь. Я все-таки спрошу тебя: можно кому-то принести пользу или это чистая химера? Частную пользу, скажем?

Можно, но ни о какой пользе, кроме частной, и речи нет.

И потом, надо же знать, какова компетенция этого совета.

Компетенция? О ней нельзя знать, потому что таковой нет. Это компетенция стола в президентской Ореховой комнате. Президентский совет – система без функции. Нет ни одного решения, которое обязано пройти через него. Строго говоря, это клуб любителей Президента, а не место, где его решения обсуждают.

Но Ельцин же заявил, что, в отличие от прежнего состава, который собирался в неопределенное время, он хочет совет, который будет регулярно работать. Не участвуя там, числиться участником – не в моих правилах, а менять их к концу жизни бессмысленно. Во времена оны я у Константинова спросил, зачем он пробивается в академики. Он мне говорит: «Но я же тогда буду похоронен на Новодевичьем кладбище!» Вот уж не моя цель.

Вместо слова «рекламный» на Западе какой термин? Теперь?

Маркетинг.

А теория бывает маркетинговая? Не теория маркетинга, а сама теория как рекламная штучка?

Есть целое направление – политический маркетинг. Как продвинуть возникшую идею в массовое сознание.

Гениально это сделал Фукуяма! Вот нам у кого надо учиться.

Разве один Фукуяма? Работают специалисты, технологи. Сотни человек, чтоб на него одного обратить внимание. Частный случай политического маркетинга – технология выборов. Грубо говоря, как Пупкину стать президентом России. Сегодня это также техническая вещь. Но ты в роли Фукуямы – такое для меня отвратительно! И ничего приятней от меня не услышишь.

Не надо меня долбать, я должен, раз я уже начал. Смешно сказать, выпадаю в детство и хочу сеять добро. Никто никого не слышит, Глеб, *нам необходим политический маркетинг!*

У Бозция в «Утешении философией»³ есть образ, где он объясняет разницу между человеческим отношением к судьбе и божественным. Он, Бозций, – зритель, сидя на трибуне, наблюдает начало забега, затем его продолжение и лишь затем – какие упряжки финишируют. Бог видит иначе. Он видит одновременно каждого человека на трибуне, одновременно старт и финиш забега, а также рождение и смерть каждого зрителя. Поэтому у Бога иное отношение и ко всему на картине. У нас тоже возможен иной взгляд на себя, без всякого маркетинга.

Замечательно. У меня есть подобное наблюдение над собой. Где-то это накапливается, ты прав. Надо сесть и восстановить моменты в памяти, сейчас опущенные. Например, мою внутреннюю перемену в отношении еврейства. Сюда входит в том числе мучительный опыт переваривания диссидентства. Такое вломилось в сознание, что, будь я склонен к красноречию, написал бы *светопредставление внутри одного человека*. Оно вершится внутри, и оно несколько не меньше, чем светопредставление. Да, ты здорово про Бозция напомнил.

Я о том, что у нас есть возможность расширить взгляд – мы видим жизнь после конца Родины и самих себя.

Конечно, это лишь возможность. В какой-то степени мы все неудачники в жизни. Это нужно осознать. Мы запутались, я запутался. Кто-то должен донести этот крест до логического конца эпохи. И до иной содержательности. Не выплакать, о нет! Претворить в нечто светлое. Сегодня мир предлагает новые возможности. Большой человеческий словарь питается элементами, которые в прошлом были несоединимы. Культуры могут питать друг друга, зато их смешение довольно бесплодно.

Для европейца проще улавливать происходящее, время от времени пересматривая список прежних табу. Для русских этот номер уже не пройдет. С европейцем легко говорить, даже своих они не так внимательно выслушают, как нас. Русские пока еще несут какую-то марку загадки. А европейец готов к затрудненности понимания.

А с другой стороны, и он уже не готов. Я помню, как у Веро Гаррос⁴ вспыхнули глазки, и только любовь ко мне едва сдержала. Когда в 1981-м, в начале польских событий я ей сказал, что генерал в черных очках Ярузельский – герой *добровольной несвободы*, предела ее возмущению не было!

Ага, когда ты в 1989-м пересказывал Михнику эти наши ереси 1981 года, он говорил: «Понимаю, но, бога ради, не скажите такого при поляках!»

Веро сидела рядом и что-то писала, а Адам ей говорит: «Ты что это записываешь? Если в Варшаве узнают, чего я тут наговорил, мне несдобровать!» Вот так живем.

Двигаюсь медленно и неудовлетворительно. Но я доволен! Если бы дело было в городе, я был бы измучен, потому что весь сосредоточен на этом. А тут я начинаю жить новой, очень устраивающей меня домашней жизнью. Жизнью человека, который хозяин себя. Бог тебя осенил идеей дома. Ладно, иди, я все сделаю.

Бог меня давно осенял, не было денег.

014

Член Президентского совета. Современный Гамлет. Идея человечества как убийственная сила. Призрак и два Наследника.

Глеб Павловский: Информационная лента агентства Postfactum стала однообразна. Отношение к Президенту, отношение к Советам, отношение к Конституционному суду. Вы за или против? Вы за конституционный строй или против него? А если против, то за какой?

Михаил Гефтер: Хорошо бы, кто-то мне объяснил выражение «конституционный строй». И как оно применимо сегодня к России?

О, поосторожней с сомнениями в конституционном строе. Теперь ты должен выбирать выражения. Для члена Президентского совета эти вольности недопустимы. Хочется ли тебе еще писать?

Хочется ли? Знаешь – надо! Это нормализует мои отношения с историей. Вот старая мысль в голову пришла. Из моей бесконечной папки Hamletfrage – представить Гамлета конца XX века. Освободить от интерпретаций, истолкований и исполнения. Страна вроде России – бурное, идиллическое и преступное прошлое. Наконец-то вступает в мирную фазу существования. Империя не без погрешностей, Клавдий – законотворец постреволюции, но чуть получше, чем Сталин. От него проистекают смерти понемногу туда, понемногу сюда. И люди, находящиеся в разных отношениях друг с другом в результате этого.

В тот час Наследнику империи пригрезился Призрак, и что-то в нем шевельнулось. Он начинает взрывать ситуацию изнутри. Несообразными поступками, где причина и следствие не увязаны, а предсказать последствий нельзя.

Вместе с тем в несогласии с этим его поведением зреет гигантская, безумная мысль! У которой нет еще нужных слов, которой понять не может никто. Но его она катализирует. И она же катализирует страшные вещи.

В ситуации, которую в громадной степени Наследник создал сам, близкие друзья должны сделать выбор. Спорить с ним можно, конечно, но тут уже не спор. Потому что задет строй и порядок жизни. Значит, надо перейти на *ту* сторону, надо ему изменить, предать его? Но кто тут кого предает? И если не подвержен мысли о человечестве, которая могла в тебе пробудиться зверем таким.

Трагедия мысли, притязающей, вторгнувшись в жизнь, управлять поступками других, отбрасывает к смерти всех. И к воцарению Призрака новой, более эффективной фортин-бравосовской⁵ породы.

Зачем было ему людей в это втягивать?

Да, кстати, зачем? На каком основании, по какому праву? Права нет, есть неотвратимость политики мысли. А право нужно затем, чтоб обыкновенная жизнь могла защитить себя от самоуправства кипящего разума. Человек стал открывать себя, занялся самим собой, и с тех пор ему нет решения. Запад прошел сквозь это и как-то справился, Восток жил иначе. А Россия из этой коллизии не вылезает. И сегодня та обратила нас во что-то несуразно мелкое. Мысль одновременно пустеет и шикует. Она псевдомысль, но она все равно шикует. Свобода случайных мнений, поездки, обласканные Западом мигранты.

015

«Ультралоялистский» Гефтер. Действуя в неправовом поле, Ельцин вправе нарушать Конституцию. Руководствоваться правовым сознанием – «странный взгляд». «Все идет правильно».

Михаил Гефтер: Думаю, оппозиция избрала ложный ход – доказывать незаконность указов Ельцина с помощью юридических аргументов. В антиконституционных рамках действия не могут не носить противоправного характера.

Глеб Павловский: Вот это и есть ультраельцинизм, мандат Президенту на все что угодно. В антиконституционных рамках любые действия антиконституционны.

Тут просматривается другая ситуация. Шанс выхода на совершенно другие основания политической жизни. Да, мы вынуждены так поступить, но мы используем сделанное нами на пользу строительства нового.

Какого нового? Это расправа и политическая выгода.

Так у нас в политике вообще не правовая ситуация. Нельзя фактами доказать, что ельцинизм антиконституционен. Поскольку сама наша Конституция исключает то, что ты называешь правовым подходом, деятельность Ельцина вполне согласуема с антиправовой конституцией.

Ага, банда спорит с бандой! Уже сто раз повторили, как наш Ельцин велик, что в дикой стране так мягко поступает с тоталитарными силами. Надо пожестче! Сто раз сказано в демократической прессе писателями и критикессами.

Странный взгляд, что человек должен руководствоваться неким правовым сознанием по собственной инициативе. Это очень странный взгляд. Должно быть сознание преграды, запрета, которое далее начнет формировать новый образ поведения. И действует уже как селекция кадров, а со временем – их гуманизация.

Нет, в настоящем пока все идет правильно. В пределах допустимого. Есть только одна опасность. Чтобы действовать, надо что-то отдать политикам, с ними считаться и вести с ними игру. Но, может быть, так и надо.

016

Идея нового курса – учредить операциональную государственность. Социальная программа плюс политика «места России в мире». Державность как полезный компенсационный миф. Потенциал нового курса важен, но может уйти из рук.

Михаил Гефтер: Оцени реальное положение России как державы, лишенной большинства морских выходов, с оборванными экономическими связями. Военный потенциал разбросан так, что не сможет действовать как стратегическое целое. Он не ядерный уже, он полужадерный. И так, у нас на руках система, неперевоаемая в государственное состояние. Допустим, мы приняли табу на катастрофу. Что отсюда вытекает?

Что нельзя начинать реформу, уговаривая «потерпеть ради будущего». *Решим сначала проблему исходных условий!* Мы должны какую-то целостность государственно утвердить, зная, что та временная и мы лишь придали операциональную форму исходной неперевоаемости. А потом будем говорить о реформах.

Люди, сталкивающиеся с трудностями, смогут их решать только в качестве *хозяев положения*, утвердившись в своей суверенности. Они должны уже сегодня учредить жизнь, а не выжидать завтрашнюю, по отношению к которой все якобы лишь пролог.

Глеб Павловский: У тебя нет ощущения, что, прилагая критерии здравого смысла к происходящему, мы ведем пустую игру? Давай исходить из того, что люди на этой земле решили жить иначе, чем сами считали правильным. Какую сферу ни возьми, пробел разума. Экономика, политика, далее везде.

По теории систем следует выделить системообразующий фактор.

Первое – у себя в пределах РФ мы решаем планетарную задачу. Второе – мы хотим создать государство, удобное для населения и неопасное для мира. Увязав первое со вторым, и не более того.

Когда ты поставил эти две задачи, их легче увязать, взаимно ограничив. Должна быть реализована общегосударственная социальная программа достойного жизнеобеспечения и в стык, параллельно, решаться задача неутраты места России в мире.

Последнее недостижимо ни военными, ни экономическими средствами – нет ни тех ни других. Военной техники вдоволь, но ее нельзя пустить в ход, как раньше. Зато возможна такая внутренняя компенсация, как *державность*.

Державность – это компенсационная ментальность, которая, войдя в социальную политику составной частью, компенсирует людям их неустроенность, позволяя быть в равновесии.

Ты описал интереснейший политический потенциал!

Да, но этим потенциалом легче будет завладеть правой альтернативе. Пожалуйте, вот вам сильная социальная власть против криминальной буржуазии внутри. И вовне – против берущих нас за горло Штатов, посягающих на природное богатство России. Из этого нетрудно склеить очень сильный новый курс.

017

Спор с Бжезинским, поражение коммунизма – не победа капитализма. Возможен ли «новый Мюнхен»? Россия ускользает от демократов и уходит на Восток. Центробежный тренд исчерпан, но Центр не управляет. Деградация Центра. «День» – фашистская газета в серьезном смысле слова. Державникам нужна недержавная концепция. Запад – хозяин пространства отсутствия СССР. Возможно ли конкурентное партнерство с Западом против Юга? России нужна аналитическая разведка. Пример Р. Такера.

Михаил Гефтер: Ты дал мне статью Бжезинского⁶, я хочу о нем написать. Вот у нас что-то развалилось и агонизирует. Называете это «коммунизмом»? Пожалуйста, есть ниточки, туда ведущие. Но в какой степени это победа демократии, да еще и отождествленной с Западом? Коренной вопрос. Мне все видится иначе.

Я не коммунизм отстаиваю, и не капитализм. Кстати, не видел интервью с Иоселиани⁷? Отар печален. Основная мысль – я, мол, глубоко сожалею о том, что коммунистический эксперимент не удался. Живу во Франции, при капитализме. Капитализм, говорит он, это отвратительно. Понимаешь, вот взгляд художественно одаренного человека, индивидуала. Он симпатичен и не сливается с московской истошностью.

...Считать, что кончилась Холодная война, – вот придумка! Конечно, такой вещи, как «Мюнхен»⁸, сейчас быть не может. С другой стороны, возможны сделки за чужой счет.

Глеб Павловский: Почему невозможен «Мюнхен»? Например, западные страны могут установить для Югославии дедлайн. И после этого возьмут и замочат всех, без каких-то проблем. Скажут: эти виноваты, а те – нет, и что государство не имеет права на собственное небо, как в Ираке. Чем это отлично от «Мюнхена»?

Возможностью не дойти до края. Вмешаться в кризис, не дав ему завершиться бесповоротной бедой. Я не идеализирую никого, Персидский залив⁹ еще аукнется американским чванством. Но двадцать лет назад Ирак проглотил бы Кувейт, а все писали бы ноты и статьи в газетах. Впервые ООН приобрела значимый вес. Моя мысль не в том, что это хорошо. Идет дело к хорошему или к еще более плохому? Да, идет к более плохому, но и хорошее есть, а какой будет композиция первого и второго процессов, трудно сказать. Россия в огромной степени зависит от этого вопроса.

Глобальная какофония скоро возобновится. А при мировом статусе России здесь проблема, которой демократы не понимали. Они заняты Москвой, Ельциным и Хасбулатовым, мелкотравчатыми обидами. А Россия внутренне ускользает от них в другой лагерь. Внутренняя ситуация России страшно показательна. Мы как Мир в целом, где ряды никак не увязываются.

Трагическая проблема конца XX века – Ближний Восток и Юг. Ты видишь по телевизору Сомали, где два миллиона вымирает, каждый день туда летят военно-транспортные самолеты, еду разгружают и тут же раскрадывают все, что те привезли, – ну и что, ввести туда войска? В конце концов, у нас внутри уже свое Сомали, на Кавказе.

...Не вводит ли в заблуждение регулярность западных поездок и симпозиумов насчет положения вещей, когда Запад скорее увидит нашу спину, чем наше лицо? Не уходит ли Россия все дальше на Восток?

Что ты понимаешь под уходом на Восток? Который Восток?

Соотношение Европейской России с Зауральем с точки зрения ближних и тем более отдаленных перспектив меняет баланс провинции и тыла. Во время войны роль Зауралья резко выросла. Потом гигантские стройки и головокружительные проекты, огромная доля военного потенциала там разместилась. Готовился фронт против Китая. Газ, нефть, безопасность, алмазы, а сейчас все меняется. И сопряжено с суверенными претензиями. Все это делает огромные восточные земли России областью тревожной, но живой. Способной показать Москве свои зубы.

Более существенным фактором мне видится гниль европейского центра. Европейская Россия похожа на зуб, разрушенный кариесом. Она распалась на три региона – Северо-Западный, Центральный и Южный. Все три разные, традиционно не имели за последний век связей между собой, кроме как через «Москву-Кремль». Центры Северного и Южного регионов ближе к столицам других государств, чем к Москве. Окружены новыми независимыми государствами, являясь зоной их активных влияний. Европейская Россия – остаток от вычитания Украины. Деградированное Нечерноземье, где ничего, кроме Москвы, нет. Нигде политической жизни, кроме московской, места нет, она затоптана.

И различия вытоптаны с предельной полнотой.

Сегодня Москва не управляет гигантскими территориями за Поволжьем.

Ей и труднее самоопределиться, чем тем.

Конечно, она ведь не представляет собой целостности. Активен Юг России, но там повсюду конфликт с Москвой. При сложившихся условиях Центр России не является центром для российского Востока. Альтернативная возможность не реализуется, пока Москва сохранит потенциал доминирования. Но в перспективе, а в будущем и как геополитическая альтернатива – восточная ориентация.

Россия войдет в ряд возможных будущих альянсов, что является шансом ее новой интеграции. Казалось бы, все больше расползания и центробежности. Но вижу, центробежность достигла критической точки, и всех опять потянуло к сближению.

Все это на фоне того, что Европа освободилась от риска лобового столкновения на своей территории, где ей назначалась роль главного ТВД – театра военных действий. Теперь, интегрированная и освобожденная от страха развязки, Европа займет новое место в мире. По отношению к нам, во-первых, но и по отношению к Штатам и к тому, что именовалось третьим миром.

Но и то, что ты сказал, верно. Дело не в сырьевом балансе, не в размещении производительных сил, а в том, что Европейская Россия не является управляющей силой своих восточных территорий. Она не умеет толком даже торговать их богатствами и сама нуждается, чтобы кто-то ее пригнул.

Какая театральная сцена для сарказмов Проханова!

Но Глеб, эти воют. Понимаешь, для них боль то, что для других пустые слова и пешка в игре. Все, что связано с понятием державы, – их исповедание, вера. Это их религия. Другой вопрос, что они в это вкладывают на деле. Что отрицают, что провозглашают, на чем хотят

строить. По крайней мере, у них есть установка – Россия, которая в руинах, и надо из нее соорудить то, что они называют державой. В серьезном смысле слова, не банальном.

«День» – газета экзистенциального отчаяния. Конечно, фашистская газета, но в серьезном смысле слова. В смысле, который задевает глубинные чувства людей, на что нет ответа ни у политиков, ни у высоколобых. Плюс, конечно, есть театр и игра. Но между прочим, в «Дне» меньше мелкой доносительской дряни, чем в демократической «Сегодня».

От тени еврея им тем не менее никак не избавиться.

Ну, если в дистиллированном виде выделить державность, то и такому ингредиенту должно присутствовать.

Зато есть искры злобного юмора, что, вообще, хороший критерий. Ведь смеяться нельзя, когда неискренен. Просто не получится. «В благодарность за договор СНВ-2 Буш подарил Ельцину ракетку».

Глеб, отвлекаясь от опереточной стороны дела, проблема серьезная – чем-то на время занять войска, пока они тебя самого не убили. И заводы, которые кормить надо, хотя их следовало бы закрыть. Если вы державники, у вас должна быть *неодержавная концепция!*

В принципе, то, что сейчас проводят реально, и есть разные неодержавные концепции. Все прочее – декорации. А неодержавная концепция разрабатывается в разных версиях, включая гайдаровскую.

Допустим, я в роли человека, у которого есть право задавать вопросы. Я бы спросил: ладно, «мировое соперничество», но его надо расшифровать. Мировое соперничество за что? вокруг чего? И какие для этого нового мирового соперничества у нас средства? Средствами дипломатии ограничиться нельзя. Экономическими средствами? Вспомни, каковы они у нас есть сейчас. Итак, военные средства восполняют недостаток дипломатических средств при слабости экономических? Колоссальной важности заблуждение.

А кто тебе отвечает? Я такое состояние называю «дебатами про себя». Когда не выговаривают задних мыслей, это ведет к накоплению застойных идей. А тех не признают до момента, когда надо действовать. Тут-то все разом выходит на свет в форме наидичайших стратегий.

Как считают господа в Кремле, Западу неприятны дебаты, являются ли США нашим противником? Ладно, мы не будем это обсуждать! Но про себя мы, конечно, знаем, что вы за дрянь. И какое соперничество на рынках оружия. И что брошенные нами страны будут подбираться Западом, считают самоочевидным. Раз мы ушли оттуда, Запад все займет.

В той же функции, прежней советской, – *хозяина пространства отсутствия*.

Конечно, Запад не станет нам помогать развивать военный комплекс. Он готов содействовать радикальной, то есть *асоциальной конверсии*, но никак не медленной, которая привела бы к обновлению нашего ВПК.

В общем, все недоговаривают в жанре «сами знаете». Сами знаете, капитализм, который мы с вами строим, – вещь грязная, гадкая. Но если мы не сожрем, нас сожрут. Тут дебаты

сужаются до уровня бабуина, а западный строй жизни понимают как аппетитный и эффективный дарвинизм.

Ха-ха, хорошо.

Но тогда надо готовиться к моменту, когда нашего бабуина попытаются съесть. Вот тебе вся неодержавная концепция Кремля вкратце.

Здесь два основополагающих допущения. С одной стороны, мы ослабли, и при мировом соперничестве наши позиции неизбежно займут. С этой точки зрения Япония и Европа, Америка особенно остаются нашим соперником. Второе. Так как многомиллиардный мир Юга и Востока представляет для нас трудно учитываемую опасность, нужно новое партнерство с Америкой против потенциальных горячих точек.

Если первую посылку увязать со второй, появится подход к мировой стратегии. Нам надо сочетать новый уровень мирового соперничества с новыми задачами сотрудничества против угроз третьего, четвертого и прочих миров. Эти две посылки надо увязать. Но не по принципу дурацкой эклектики Козырева¹⁰ или, еще хуже, Абарцумова¹¹. Тот мне сказал: «Пусть все считаются с нами! Мы великая держава». Эта все их психика госдач, где они писали доклады.

Банальный армяно-русский патриотизм нацмена. Стороны существуют в виде теневых партий и не думают, что проблемы их аппаратных недругов придется решать им же. Несмотря на разговоры о «великой России, которая заставит себя уважать», они видят в себе временщиков. Все списывают на переходный период. России нужна поддержка реформ, кто нас поддержит, тот свой! При этом будем дружить с Америкой, а в Ираке втихую возьмем кредит. В общем, каша.

Причем каждый отдел и департамент тащит в свою сторону. Стратегия, которая строится на поездках Президента и на том, что надо готовиться к следующей поездке. абсурд! Россия сегодня не может определиться, в каком ей качестве быть в мире. Надо ли конвульсивно спасать свое «бытие в мире», либо неизведанным путем искать себя? Пока нас никто не гонит занимать место в мире. Чтобы все там бряцало и грохотало.

Никто не гонит, гоним мы сами себя.

В силу внутренних обстоятельств. Если спросят на Президентском совете, готов ли я сформулировать принцип внешней политики России в виде императива, отвечу: не делать вовне ничего такого, что жестко не диктовалось бы проблемами внутри.

Твой императив двусмысленный, столь многое гонит волны изнутри вовне.

Безусловно, и гигантскую волну изнутри гонит! Но нельзя сказать, что нас при этом еще какие-то всемирные страсти терзают, не 1920 год. Неясен новый мировой принцип. Если ситуацию после 1945 года – удержание на грани геноцида – называть Холодной войной, то мы вступили в иную фазу балансирования на грани самоубийства. А ресурс балансирования людьми, в общем-то, выбран!

Наша доктринальная эклектика должна быть отрефлексирована. Пусть начнется негласная мозговая атака. России надо проникнуть в тенденции мира на всех уровнях. От самых глобальных до отдельных персон, расстановок сил, перспектив тех или иных деяте-

лей. И все это нужно проработать бесшумно, аналитически. Должны сидеть молодые аналитики-разведчики в посольствах, которые, не отвлекаясь на текущее, вникают в людей и ситуации.

Такую систему придется создавать в любом случае. Так же как американцы создавали ЦРУ и Рэнд после войны – не из работников ФБР, поскольку те создали бы еще одно ФБР.

Да-да, помню, Такер¹² мне рассказывал. Когда он только начинал заниматься библейстикой, еще во время войны, в университет пришли люди из Госдепа и сказали: «Хватит, парни, учите русский! Дяде Сэму нужны люди, знающие Россию». Такер был среди многих умников, кто отправился учить русский по призыву дяди Сэма.

И наши умники не отвернутся, когда у нас будут, наконец, свои ЦРУ и Рэнд. Только бы найти самих умников.

018

Логика христианского *Homo novus* – «Мир устроаем». Время управляемо. Связный набор ходов сознания делает «равновозможными христианство, коммунизм и фашизм». Реальность подлежит реконструкции новой тварью. Повседневность сопротивляется, оставаясь внутри реконструкции. Русский феномен «мыслящего движения». Рухнув, оно оставило в безъязычии ♦ Идет строительство глобальной власти – единодержавия США. Оно фашизоидно. Фашизм – это обработка человечества в труп, управляемый властью ♦ Фашизм как первая попытка сконструировать глобальную власть. Русский Октябрь показал, что «власть сооружаема». Строительство государства или социума власти? ♦ Ленин догадался, что фашизм «прикарманит социализм» ♦ Секрет Бомбы – мировая власть как техническое изобретение. Мировую власть можно создать. Изобретение Сталина: любое число людей можно уничтожить среди жизни других.

Михаил Гефтер: Я сегодня подумал: есть тривиальные вещи, на которых многое зиждется. Новый человек Евангелий означает, что Мир выстраивает новая тварь. Следовательно, *мир устроаем, мир выстраиваем*. Множество моделей и способов обустройства нового человека. Из этой множественности являются национальные общества. И европейская нация, которая завершается в национальном государстве, немыслима без этого.

Глеб Павловский: Но куда делось время, кто его обустроит?

Время уже человеческое, не вполне эволюционное. Время клепсидры, время урожая, замещается одновекторным временем, которое проще освоить. XX век выступил завершающим испытанием времени. Однако опыт разрушения не достиг уровня сознания, который и был демиургом беды. Где-то наше сознание недобирает. Когда речь заходит об истории в единственном числе – о человечестве, которое включает управляемых и растворяет в себе, – время становится моновременем – и *время управляемо* также!

Я настаиваю: есть взаимосвязанный набор ходов сознания, делающий *равновозможными христианство, коммунизм и фашизм*. Они выравниваются в этих пределах. Выстроить мир может только новый человек. Выстраивая, он становится новым или стал новым предварительно? Поскольку он включен в формы реального, то и реальность подлежит *реконструирующему преобразованию*.

Все это тривиально – нетривиальны ходы отсюда. Людям кажется, будто их окружают иллюзии и химеры. Что некто или нечто вершит над ними обман и манипуляции. Но в такой рамке протекает компромисс повседневности с ходом мирового движения. Каждый из циклов сотворения новой твари обладает жуткой основательностью. Отвердевает до монументальной неподвижности! Зато внутри ее повседневность исподволь обновляется.

Как материя, не притягающая на взлеты, она всякий раз чуть-чуть не та же самая. Что-то в себя добавляя, она миниатюрно меняется. Нечто в нас противится тому, чтобы сознание распорядилось нашей повседневностью, и это спасительно!

По-моему, ты пропустил условие *понятности*. Без той невозможна ни управляемость, ни нация-государство. С христианством явилась догма понятности мира. Даже слово «просвещение» явилось в Евангелии. Понятность связана с идеей конструктивности, устроемости. Раз мир понятен, он устроаем. *Устроаем в меру того, что понятен и управляем*. Как

только он станет непонятен опять, возникнет место для переустройства. Решив «перестать все это понимать», я заявляю это, чтобы вмешаться в мир.

Сложные пертурбации воли, ты прав. Но те, кого привело в движение, они же и производят отбор. Они не исполнители, а сотворцы в роли *упростителей*. Упростили-сотворцы, функционеры отбора. Возникает русский феномен *мыслящего движения*, в отличие от движения мысли. Что будет далее с самим мыслящим движением, тоже важный вопрос. Без него не понять ленинский концепт *партии*.

Вербовка – часть исторического процесса, ведь новую тварь надо завербовать в партию. С точностью до корня *verbo* – привлечь словами. Высокая роль управления словом в христианском просвещении и сталинском СССР.

Конечно, словом. «Вначале было Слово».

И конец мыслящему движению известен – отмена 6-й статьи Конституции СССР.

...И власть, и Бомбу *можно сделать*. Когда этот секрет американцам открылся, вопросом времени было, когда ее применят.

Если бы ее сделали, но не применили, никто не рискнул бы тратить такие бешеные деньги на сомнительное предприятие. Главная тайна Бомбы – *абсолютная власть как техническая возможность*. Это очень умно! Умно даже в философском смысле.

Страшно интересно! Но трудно понять: каким будет следующий уровень глобальной власти?

Прежний держался сцепкой блоков Холодной войны, и лестницы в него вели из этих блоков. Когда блоки рухнули, с ними рухнули лестницы, и как теперь попадать на этаж человечества? Он остался как бизнес на глобализации либо в качестве военно-манипулируемого уровня. То есть потерял универсальную доступность.

Существовал ведь быт глобальности, ее элита вербовалась из наших знакомых. Эти люди писали друг другу, летали в Буэнос-Айрес, Москву и в Париж. От твоих кухонных гостей Бёлля, Моше Левина¹³ и Сахарова до общих друзей Веро (Гаррос) и Клаудио (Ингерфлома)¹⁴. Что они чаще были связаны с левыми, тоже понятно, ведь то была оппозиция империи Ялты.

Когда поэт-террорист Сенгор¹⁵ через ненависть к белым утверждал буржуазность для Сенегала. Сегодня такие люди в их романтической фазе возможны, но не слышны.

Да, для всемирной оппозиции нужно понятие Мира, но мировое-то и стало непонятным. Мировое правозащитное движение тоже ведь рухнуло. Можно не признавать, но и оно закончилось. Декларация прав человека превратилась в бумажку, а вернее в мандат на право США выслать звено бомбардировщиков. Как пойдет интеграция мира вне языка универсальной элиты, неясно.

...Это проясняет нынешнюю российскую ситуацию. И то, о чем ты говорил, вынесено на мировую сцену. Идет *строительство глобальной власти*, единодержавия США. Такое распорядительство судьбами *фашизоидно* по сути. В конце концов, фашизм не только там, где расизм.

Лучшее определение фашизма я нашел у Платонова в статье о Пушкине 1937 года¹⁶. «Фашизм – это превращение человека в труп». Не убийство, а превращение в труп *заживо*! Человека признают за труп, *управляемый властью*. Тут нечто важное для нашего будущего.

Управляемость интересует меня все сильнее. Откуда она? Помнишь Токвиля¹⁷ в «Старом порядке и революции»? Мысль, что самоочевидность нового режима в умах революционеров сформирована из впечатлений старого порядка. Не тут ли ученичество нацизма в отношении к социал-демократии? На ранней фазе, которую не объяснить ученичеством у большевиков?

Я о социалистической среде Германии как новаторски управляемой инфраструктуре. Сети социалистических кафе, социалистических библиотек, социалистических профсоюзов, которые к моменту Первой мировой войны, казалось, завтра все проглотят. Ведь нацисты росли среди всего этого.

Можно понять старого Энгельса, который ждал: еще одни германские выборы, вторые, и полный успех! К тому шло. Веймар дал нацизму еще подсказку монтажа профсоюзов во власть, чего до 1918 года не было. Как и того, что государство строит военные заводы и раздает их корпорациям, а те идут на это, не просчитав риски.

Социал-демократия стала в Германии низовой городской властью. Властью на уровне grass roots, гражданского общества, и на уровне поп-культуры тоже. У наци был соблазн перенять от «соци» искусство организации больших масс. Далее подключилась Россия и большевизм как второй учитель.

Я бы говорил о фашизме как первой попытке *изобрести и сконструировать систему глобальной власти*. Власти как управлению не просто подвластной массой, но через нее – наднациональными мировыми процессами. Фашизм – это попытка людей влезть в родовой генератор Номо, в блок управления историей, и его вручную перемонтировать.

Эпопея немецкой социал-демократии и триумф русского большевизма создали чувство, что все стало возможным. Как резюмировал Бердяев в своем парадоксе об утопиях, теперь осуществима любая, но неясно: как этому помешать? Идеология в 20-х годах уже отчетливо конструируема. В бульоне из консерватизма, народничества и антисемитизма Гитлера соблазняло богатство рецептур. Кстати, до этого антисемитизм считали не более чем грязноватой причудой солидных господ.

С чем даже евреи примирились. Думали, что с германскими антисемитами они легко договорятся.

И открывается эра проектируемого Мира. В рефлексивной паре большевизм-фашизм более наблюдательным партнером поначалу был фашизм.

И знаешь почему? Европейский процесс создания государства и общества, растянутый на века, имел вид природного цикла с обманчиво-естественными атрибутами. А тут вдруг, с оглядкой на русский Октябрь, догадались, что *власть сооружаема!* То, о чем ты говоришь. Когда задачи сооружения власти подняты на инженерный уровень, все хотят в это как-то втянуться и всем находится место. Всех можно сопоставить, упорядочить и соподчинить. Но на деле эти «государственники» сооружают не государство. *Социум власти* они сооружают.

Это к тому, что ты сказал о фашизме как технологии конструирования, – идея, что *власть можно сделать*. Что человек может нечто переступить, чтобы что-то сделать. Я

думаю, и Сталин продемонстрировал не то, что всех большевиков или всех кулаков можно уничтожить, а нечто другое. Что власть может найти способ *уничтожения любого числа людей втайне от жизни других*. Ему для этого понадобилась Сибирь и кое-что еще. Мы недооцениваем роль таких моментов в истории.

В XX веке важны *технологии политических сил*. Можно обсуждать их специфику, корни, но однажды все технологии сцепляются в новую инженерию. Через новый тип колонизации истории и управления преобразуемым миром. Прежде заявка на такое была невысказана, да и не нужна.

Любопытно, как плохо все видели глобальный потенциал фашизма. Один Ленин вздрогнул. Эта его странная поездка на Четвертый конгресс Коминтерна¹⁸, когда он сам близок к развязке. Все талдычат, что приход Муссолини к власти – периферийное событие, и вдруг неожиданный ход Ленина. О феномене фашистской власти в Италии как распространением на Европу и весь Запад. И он заявляет коммунистам всего мира: не подражайте нам, русским большевикам! Как предугадал он вызов, таившийся в фашизме? То, что фашизм не просто манипулирует идеей социализма, нет, – фашизм ее, обрабатывая, *прикарманивает*. Ленину еще неясно, что выйдет из *фашистской обработки большевизма*. С учетом того, что и у самого нэповская Россия не вытанцовывается. Чтобы «вытанцовывалось», Ленину нужно заполучить другой мир и другую стратегию. Это мы еще с тобой обсудим, и это очень увязывается с Чаадаевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.